

ЮРИЙ КИСЕЛЕВ

написано:
26 Апрель 1902 г.

Высота:

БЕЛОЕ И КРАСНОЕ

ОТПРЬИСКИ

*Писано съ якоремъ, шлюпки, тикана
и полярная палатка.*

*Писано съ
финляндскою...*

Вокругъ погоды, золотой галеры и свинца канты.

Юрий Киселев

БЕЛОЕ и КРАСНОЕ. Отпрыски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42128932

ISBN 9785449656100

Аннотация

Это история членов двух семей, поиск себя и своего места в контексте исторических событий. Сын белоэмигранта Майкл Иевлев готовится снять фильм по мемуарам отца и прилетает в Россию, где знакомится с Игорем Щербининым, чей отец воевал на стороне красных. Факты биографий рождают догадку, что отцом их отцов был морской офицер Николай Иевлев. Текст содержит интимные моменты для взрослого чтения и обращен к читателю, кого занимает не только сюжет, но характеры персонажей, их переживания и поиски. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1	11
2	106
Конец ознакомительного фрагмента.	147

БЕЛОЕ и КРАСНОЕ

Отпрыски

Юрий Киселев

Редактор Игорь Шагин

Дизайнер обложки Дмитрий Гиглавый

© Юрий Киселев, 2019

© Дмитрий Гиглавый, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-5610-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гулко и радостно разносится в морозной ночи святочный перезвон. Плывет над заснеженной Москвой-рекой, над селом по обоим берегам, над усадьбой с причудливым для здешних мест замком в стиле неоготики. А пойти от замка к реке – услышишь:

Звезды сыплют,
Звезды сыплют,
Да во все небо,
Да над всей руськой,
Да над всей святоруськой.

На высоком берегу костер. Парни, девки, одетые если не по-городскому, то уже и не по-деревенски, водят хоровод. Путаясь у людей в ногах, носятся сбежавшиеся на веселье собаки. Господская прислуга, со связками кренделей, потчует гуляющий народ водочкой.

С гармонией, трещетками, с невообразимым шумом подходят ряженые. Хоровод распадается. Парни под шумок ловят тискают девок. Те с хохотом, визгами врассыпную...

Стайка подружек отбегает от костра к ледяной горе, сходящей к реке. Гора длинная. Санки, тазы, ледянки, а кто прямо в валенках – с гиканьем скатываются вниз и по обочине ледяного спуска снова поднимаются на гору. Среди ребятни бросается в глаза молодой человек в форме гардемарина Морского корпуса. Выйдя на плоское место, он присаживается на сани и закуривает.

Подружки издали любопытно поглядывают на морячка, обсуждают:

– А что ж барчук их одного оставили?

– А они сами, небось, не хотят, горка наша полюбилась.

– Не горка, а Палашка, – смеется молодая баба, кивая на статную, в распахнутом полушубке деваху.

Тугая коса с вплетенной лентой брошена на выпирающую под кофтой грудь; щеки горят, глаза блестят, не девка – кровь с молоком.

– Глянь, Палаш, на тебя глядит, – указывает баба на гар-

демарина. – Сроду, небось, такой кралечки не видывал!

Палаша отмахивается, смеется, однако ж глянула.

Догадываясь, что говорят о нем, гардемарин в знак приветствия наклоняет голову и показывает на сани: мол, садись прокачу!

Девки конфузливо хихикают, подталкивают друг дружку, а баба, показывая пальцем на Палашу, спрашивает кивком, ее ли он приглашает.

Гардемарин энергично кивает.

Палаша смеется, мотает головой. Он повторяет приглашение. В ответ она разводит руками. В эту минуту на плечо ей ложится здоровенная рукавица. Палаша обернулась.

– Ой, Тимоша! – обрадовалась она.

Парень глядит на нее исподлобья, мрачно, нетрезво. По одеже – из зажиточных: добрый полушубок, енотовый треух с козырем; плисовые шаровары заправлены в щегольские, бутылками, сапоги. Видно, украдкой подошел и стоял наблюдал.

– Явился не запылится, – улыбается Палаша. – Никак водка кончилась – про Палашу свою вспомнил?

– Пора домой, Пелагея.

– Чего ж домой, Тимоша? На вечерку пойдем, вот! – взмахивает она узелком в руке.

– Куда ему на вечерку, – хмыкает баба, – на ногах не стоять.

Зло зыркнув на нее, парень ухватывает Палашу за рукав

полушубка и тащит:

– Сказано – домой!

– Праздник ведь, Тимоша, все гуляют, – терпеливо улыбается она, отцепляя его руку. – А ты иди, коли хошь. Ай я дорогу не найду провожатый нужен?

– Погуляла и будет. Сиди к свадьбе гововсь. Нехрена шуры-муры с заезжим барином.

Палаша ойкает и дурашливо хватается за живот:

– Ой насмешил, ой щас пупок развяжется... Ну, глупой! Да на кой ляд он мне сдался, какая радость с него...

– То-то за обедней все зенки проглядела.

– Ну может, и глянула, любопытно ведь: новый человек. Ай мне шоры нацеплять?

– А хоть и шоры!

– А под венец сведешь – на цепь посодишь? С кабыздохом вашим. – Палаша качает головой: – Не бывать тому. Чай не прежнее времечко, без двух годков двадцатый век.

– А это мы поглядим, – хмылится парень, хватая ее за коосу и норовит потащить.

Она размашисто вмазывает ему – раз, другой, да так, что у него треух с головы. Парень утирается, подбирает треух и цедит:

– Гляди, Палашка, приползешь ножки целовать будешь.

– Как же, дожидай. Когда рак на горе свистнет.

– Ну и иди вон к ему!

– И пойду.

– Вот и иди.

– И пойду, по тебе, что ль, сохнуть стану.

– Вот и катись.

– И покачусь.

– Катись... Колбаской, по Малой Спаской. Нужна ты мне,

хм! дерьма-пирога.

Палаша вспыхивает, секунду глядит на него, затем оглядывается на гардемарина – и демонстративно поправляет на голове платок.

– Палаш, ты чего удумала? – обеспокоились подруги.

– Не дури!

– Ну залил дуралей глаза, эка важность.

Гардемарин в это время встал с саней, готовясь съехать с горы, и зачем-то достает из кармана часы и откидывает крышку.

– Барин, барин!.. – бежит к нему Палаша. – Погодите!

– Палашка! Ополоумела?!

– Воротись, дура! Ославишь себя! – кричат девки и вскидываются на парня: – Чиво стоишь, остолоп! Беги, вороти ее!

Парень подается за Палашей, но заплетается в ногах и падает.

– Палашка! Воротись! Прости Христа ради! – кричит он, семеня за ней на коленках.

Гардемарин встречает девку озадаченной улыбкой.

– С Новым годом, барин! – запыхавшись, улыбается она.

– До Нового года, красавица... – Он взглядывает на ча-

сы. – Еще три минуты.

– Вот, на вечерку иду, на ту сторону, – тараторит она, пряча смущение. – А гляньте... – И выставляет из-под подола ладную, в шерстяном чулке и в ботиночке ногу. – В два счета снегу наберу! Свезете вниз? Ай шутили?

– Отчего ж, очень охотно! – улыбается он и жестом приглашает в сани – просторные, обитые внутри красным сукном, с подлокотниками и резной спинкой. – Звать-то как?

– Палаша, Пелагея. Сроду в таких не сиживала! – Подобрыв подол, она проворно усаживается. – А вас, барин?..

– Николай Николаичем, можно Николаем.

– А Николашей? – смешливо взглядывает она.

– Да хоть горшком! – смеется Николай. – Только в печь не ставь.

– Ай жару боитесь? – играет она глазами. – Другая девка пожарчей печки будет!

– Да уж видел, как ты своего парня огрела.

– Был мой, да весь вышел, – бойко отвечает она и переводит разговор: – А верно сказывают, вы с Петербурга будете?

– Верно. Мы с вашим молодым баринном в Морском корпусе воспитываемся.

– А что ж он вас на Новый год одного бросили?

– Я сам, – смеется Николай. – Хочу в новый год на санях въехать.

– Это как? – прыскает она.

Он спохватывается смотрит на часы:

– Еще полминуты. – И уже не отрывая глаз от циферблата, поясняет: – Весь спуск сорок секунд. Отвалим в этом, а ошвартуемся уже в девяносто восьмом. Пора!

Сунув часы в карман, он сталкивает сани, пробегает пару шагов и впрыгивает впереди Палаша. Она оглядывается на подруг.

Те провожают ее застывшими улыбками. Что в них – зависть? тревога? восхищение? осуждение? Тимоша сидит в снегу, где упал, и тоже смотрит.

Она с вызовом обхватывает гардемарина за пояс и припадает к его спине, ненароком подтолкнув сани, отчего те встают боком, затем катят задом, Николай на миг выправляет, и сани начинает вращать волчком.

– Держись! – весело кричит он.

Палаша хохочет. Скрежещут полозья. Сосны, река, замок, люди на горе – мелькают, сливаются, кружат перед глазами. И в эту минуту все озаряет фейерверк – с угловой башни замка взлетают ракеты. Подымается сотнеголосый ор. Летят шапки, платки, картузы... И возникает впечатление, что ликованием встречают не Новый год, а несущихся с горы Палашу и Николая.

1

Щербинин продрог. Утром Игорь Александрович вышел на распродажу в дежурных джинсах и джинсовой рубашке – в чем проходил весь апрель, небывало теплый в этом году. Но с обеда завернула холодрыга. Руки мерзли даже в карманах. Он тер, дышал на пальцы, ненадолго помогало. Но с ногами беда. Все из за чертовых кроссовок с подошвами из какого-то чудовищного пластика с теплопроводностью меди. «Не гонялся бы ты, поп, за дешевизною», – критиковал он себя. С другой стороны, фирменные он себе позволить не мог – так он считал. За годы после выхода на пенсию он стал аскетом.

Ежась, Игорь Александрович бегал туда-сюда перед развешенными на продажу картинами. Стукал ступней о ступню, отбивал чечетку, шевелил пальцами. Все бестолку.

Порыв ветра подхватил набросанный за полдня мусор и помел со столбами пыли по брусчатке Старого Арбата. Забились, захлопали полотнища тентов летних кафе, прохожие поворачивались к ветру спиной, пережидая порыв, а кто-то спиной и шел.

Щербинин тоже подставил спину. В ту же минуту стенд качнуло, он чудом подхватил его и с облегчением матюгнулся: не дай бог грохнулся бы с картинам на брусчатку.

Стенд он спроектировал и изготовил сам. Конструкция

из титановых трубок вышла невесомая, собиралась на раз, но, как показал сегодняшний день, требовала доводки. Привинчивать в стыки брусчатки?.. Муторно, да еще инкриминируют порчу покрытие в историческом центре Москвы. Тут мысль наступила на больную мозоль – Арбат!

Здесь Игорь Щербинин родился – в роддоме Грауэрмана, что чудом уцелел во всех загибах градостроительства. Арбатскими переулками Игоряшку возили в роскошной по тем временам французской коляске. «Игоряшкой» его называл отец, а мама, в зависимости от его поведения и ее настроения, звала или Гоша, или строго – Игорь. Сам он, едва начал говорить, называл себя Гика, и когда пытались его одеть или сунуть в рот ложку с кашей, решительно отвергал помощь: «Гика сам». Во дворе и в школе он был «Щера», а с армии, потом в институте и на работе по фамилии – Щербинин, как принято среди технарей.

Жили Щербинины в Большом Левшинском переулке, в доме конструктивистской постройки. Под окнами стоял отцовский автомобиль, тоже в то время редкость, тем более заграничный – собранный фирмой «Пежо» Форд-пикап – Гоша называл его «Фордиком». Родители своим ходом приехали на нем из Франции, и Щербинин при случае любил пошутить, что едва не родился в Париже.

Но если серьезно, родился он единственно, где хотел бы родиться – на Арбате, и был арбатский до кончика ногтей. Надолго он расставался с Арбатом дважды: с мамой в эваку-

ацию, и когда на три года уходил служить в армию, по сей день жил в том же доме, теперь вдвоем с дочерью от первого брака – Ольгой. Под окнами стояла уже ее иномарка – Вольксваген Гольф, не первой молодости, но заботами отца в отличном состоянии; кузов позволял без проблем укладывать работы, когда она отвозила или забирала с выставок, и перевозить на дачу вещи.

На дачу обычно ездили с котом, русским-голубым красавцем, жизнелюбом и отпетым разбойником, чем и заслужил имя Гришка – в честь легендарного боевика гражданской войны Григория Котовского. Дачу кот обожал. Периодически он хвастливо выкладывал на пол веранды придуринную мышь или зазевавшуюся птицу, но никогда не ел: он знал толк в хорошей еде и хороших кошках. Увезти Григория с дачи всегда было проблемой. Его отлавливали загодя, сажали в перевозку, и всю дорогу он бурно негодовал.

Щербинин, за рулем обычно сдержанный, возвращаясь с дачи, гнал как сумасшедший. Понятно, не из-за кота, а поскорей приехать домой и пробежаться арбатскими переулками. Дочь этого не понимала и подтрунивала. В пять месяцев, ее увезли не только с Арбата, но и из Москвы, и вернулась она уже после школы, чтобы поступить в Строгановку. Арбат она любила, много писала – небольшие работы на картоне, в основном на продажу, но не прикипела как отец, для кого Арбат был частью его самого, без чего Игорь Александрович Щербинин был бы уже не он. Вот что болело – когда

однажды он вдруг обнаружил, что его Арбат ему подменили. Все было знакомое – и все чужое. И он здесь стал чужим.

Как произошла эта подмена, когда и с чего началась – точно он сказать не мог. С того ли, что исчезли с Арбата «божьи одуванчики», эти интеллигентные арбатские старушки, что съезжались сюда со всех концов города в «Диету» – купить пусть сто граммов чего-нибудь, но непременно здесь. Исчез и сам магазин «Диета», и кафе «Риони» рядом, где на вкус Щербинина готовили лучший в Москве люля-кебаб. А еще раньше исчезли тротуары, Второй номер троллейбуса, и по сменившей асфальт брусчатке пошел во всю ширину пешеходного теперь Старого Арбата поток москвичей. Царила эйфория. Все дышало воздухом перемен, которые Щербинин приветствовал всей душой – как до этого многое, что теперь вызывало досаду на себя, а то и стыд. Как он умудрился прожить жизнь таким лохом, таким розовым мудаком! Впрочем, в этом он был не одинок.

С того радужного времени запомнился ему один вечер, когда, может быть, впервые на предвкушение будущего набежала тень.

Они с Аленой (тогда Лена только развелась с мужем, чтобы выйти за Щербинина) вернулись с дачи, и он потащил ее на Арбат. Вечер был чудный, особенно на фоне недавних черемуховых холодов. Небо еще розовело, и дурацкие на вкус Щербинина фонари-торшеры, пока не зажглись. Они сели за столик в летнем кафе, ели мороженое и влюбленно гляде-

ли друг на другу. Где-то рядом играли на флейте. Незатейливая мелодия навевала безмятежность. Потом пошли по Арбату в сторону Гоголевского, чтобы сделать круг и по Пречистенке вернуться домой. Шли расслабленные, умиротворенные. Ходить как нормальные люди Щербинин не умел. Он либо несся, всех обгоняя, либо как вот сейчас – нога за ногу. Алена освободила собранные в пучок волосы, тряхнула головой, и они рассыпались соломенной копной. На нее засматривались. Она была сказочно хороша.

Они уже приближались к «Праге», когда слышался размеренный топот. Похоже, их нагонял строй солдат, пока скрытый гуляющей публикой. Топот нарастал. Внезапно толпа раздалась, и показалась марширующая колонна. Это были не солдаты. Люди сторонились, теснились к домам. Примолкали. Раздавалось только клац-клац, клац-клац по брусчатке.

Алена прижалась к Щербинину, буквально вжалась, словно пыталась в нем укрыться. Он обнял ее за плечи, как бы ограждая. Мимо отбивали шаг молодые парни. Плечо к плечу. Шеренга за шеренгой. Бритые головы, черные рубашки, стеклянные глаза. В отмашке накачанных рук было нечто механическое, напоминавшее движение шатунов паровоза, чего Игорек так пугался в детстве. Клац-клац. Клац-клац. Стало жутковато.

Колонна прошла, улицу снова заполнила толпа. Но что-то для Щербинина изменилось – не то в атмосфере, не то в нем самом. И уж точно в Алене. Через одиннадцать лет Лена,

забрав детей от первого брака, эмигрировала в Америку.

Уехать она мечтала с юности. Родина не была добра к ней. Когда она закончила седьмой, родители сменяли две комнаты на Ленинском на квартиру в Кузьминках, и в восьмой она пошла уже там. Во всем классе еврейка была она одна, о чем ей напоминали не только сверстники, но, случалось, учителя. Потом марафон в Историко-архивный, куда ее срезали четыре года подряд, и лишь на пятый ей удалось поступить. Затем попытки получить работу по специальности. Ее всюду брали, пока не доходило до анкеты, где пятым пунктом значилось: еврейка.

Алена начала собираться. Щербинин отговаривал жену как мог: что везде хорошо, где нас нет, а юдофобы водятся не в одной России – не отговорил. Первое время она звонила, писала, но все реже, и теперь они обменивались имейлами на дни рождения и на Новый год, что уже наступил в Москве, но еще не добрался до Лос-Анжелеса. Формально они оставались мужем и женой. Наверное, у нее там кто-то был, как и у него здесь, хотя ни он, ни она вопрос о разводе не подымали.

Головой Щербинин понимал, что вместе они уже не будут. Но было смутное чувство, что если браки совершаются на небесах (во что он, неверующий, свято верил), то их брак совершился именно там. Он продолжал ее любить.

Холод вконец доконал его. Он безостановочно чихал, глаза слезились, из носа лило. Хотел закурить, но одеревенелый палец не смог повернуть колесико зажигалки.

– Все! – буркнул он, в очередной раз промакнув рукавом нос. – К едрене фене.

Наступив на «лапу» стенда, чтобы тот не опрокинуло, он освободил руку и попытался дотянуться до тележки, на чем возил картины. Не получилось. Тогда он в акробатической позе подтянул тележку носком кроссовки и, придерживая стенд, начал снимать развеску.

Хозяйка магазинчика «Сувениры» с несчастным именем Римма, длинная и тощая даже в дутой куртке, видела через стекло витрины, как Игорек мучается. Они были на «ты», и она звала его «Игорек», хотя годилась ему в дочери. Покупателей не было, она повернула табличку стороной «закрыто» и вышла на улицу.

– Сматываешься? Давай подержу, – предложила она, берясь обеими руками за стенд.

Познакомились они на одной из распродаж лет десять назад. Это было время, когда производство встало, работникам месяцами задерживали зарплату, а то и не платили, и многие, со всеми своими знаниями, званиями, степенями, двинули в торговлю.

Щербинин уволился с самолетной фирмы, где проработал с окончания института, оформил пенсию, на которую все равно не проживешь, и занялся «индивидуальной трудовой деятельностью». Специализировался он на товарах для домашних животных и средствах от бытовых насекомых, «А, тараканы приехали!» – встречали его, едва он появлялся с коробками на распродаже. Его ждали. Он продавал дешево и не ленился консультировать, напирая на нюансы. С ним советовались, у него покупали.

Распродажи для сотрудников устраивались там, где зарплату платили – в основном в министерствах и банках. Предприимчивые хозяйственники ставили в вестибюлях столы и взимали с продавцов плату. Если стол был большой, он сдавался как два места.

С кем только Щербинин ни поработал за одним столом! Как-то с бывшим главным геодезистом Советского Союза, тоже бывшего. Тот торговал колготками, «челночными» турецкими кофточками и медом, который ему поставлял родственник с Урала. Однажды соседкой Щербинина оказалась Римма. Она захотела купить у него «блошиный» ошейник для своего бульдога, и Щербинин, как «коллеге», уступил ей по оптовой цене.

С этого дня они стали записываться на распродажи вместе. Это было удобно хотя бы тем, что можно отлучиться не опасаясь за товар. Как-то Римма отвезла Щербинина на своей машине к нему домой и познакомилась с Аленой

и Ольгой. Женщины подружились.

В прежней жизни Римма была физиком-теоретиком и работала в академическом институте, где зарплату тоже не платили. Она сменила фотоны на семена и саженцы и открыла в себе коммерческий талант. Года три назад, поменяв тематику, она пробилась на Старый Арбат и стала перетягивать Игорька. Тот упирался:

– И кому я буду впаривать «тараканов», иностранцам?

Тут подключилась дочь, у которой сердце кровью обливалось глядя, как отец мотается в разные концы города, втискивается с тяжелыми коробками в набитый транспорт, вверх-вниз по лестницам переходов – летом в жару, зимой в снег, и она предложила продавать на Арбате ее работы. Близко от дома, еще ближе от ее мастерской. Отец упирался, она зашла с другой стороны, заявив, что он эгоист, думает только о себе и не хочет дочери помочь!

На деле нужды в том не было. Работы ее хорошо уходили с выставок, и отец мог бы вообще не работать. Но она слишком хорошо его знала: помрет с голоду, но жить на чей-то счет, даже дочери – не станет. Как Щербинин ни упирался, бабы таки его дожали.

...Картины Щербинин укладывал в специальный ящик с ячейками, на тележке своей конструкции. Обычно это занимало не больше пяти минут, но сейчас руки не слушались, он тыкался-тыкался рамкой и не мог попасть в ячейку.

– Слушай, – не выдержала Римма, – поддержи свое устрой-

ство, а я буду засовывать.

Щербинин мотнул головой и снял следующую. В это время подошли двое: мужчина его возраста и второй лет сорока. Ничего особенного в них не было, но в Римме мигом сработала заложенная в нас система опознавания «свой-чужой». Неслучайно в толпе туристов, глазающих на караул у Букингемского дворца или на Тадж-Махал в Индии, вы без ошибки узнаете соотечественника. Эти были иностранцы. На миг пожилой и Игорь Александрович зацепились взглядами, и Щербинин бузотчетно отвел глаза.

Иностранцы разглядывали единственную, еще не снятую со стенда картинку. На ней уголок Арбата с церквушкой в Филипповском переулке. Мартовское небо, в церковных маковках отсвечивает солнце; осевший сугроб, ручей выбегает из-под него. И женщина, в крестном знамении касающаяся рукой лба. Каким-то чудом вы чувствовали, что крестится она не мимоходом, а вышла из храма и кладет на себя последний крест. Эта схваченная художником динамика и наполняющий картину воздух притягивали.

– What do you think? – спросил пожилой у спутника.

– Not bad, – обронил тот и глянул на Римму. – How much?

– Игорек, сколько за церквуху? – спросила Римма.

– Пятьсот, – делая вид, что возится в ящике, буркнул тот.

– Сколько?! – округлила глаза Римма.

– Пятьсот! – рявкнул Щербинин.

– Five hundred, – перевела Римма, в то время как пожилой

уже отсчитывал доллары.

– What? – изумился спутник, хватая его за руку. – What are you doing, Dad! For what? You're crazy? – И обратился к Римме: – One hundred.

По этому «dad» Римма поняла, что подошедшие отец и сын.

– I'm doing what I'm doing, – отрезал отец, высвобождая руку.

– Они предлагают сто, – перевела Щербинину Римма.

Тот поднял голову от телеги, на миг опять встретился взглядом с пожилым, буркнул:

– Пошли они в жопу. – И снял картину, намереваясь уложить.

– Вот, вот! – поспешно протянул деньги пожилой, к немалому удивлению Риммы перейдя на русский. – То, что вы запросили, голубчик.

Щербинин стоял как истукан, застыв с картиной на полуфазе движения. В душе у него царил паника, в то время как покупатель тянул руку с долларами. Щербинин помотал головой и непроизвольно спрятал картину за спину.

– Позвольте, голубчик, вы сказали пятьсот? – недоумевал покупатель, взглядами призывая Римму в свидетели. – Однако ж... Извольте, я готов дать больше!

– Я сказал, назвал в долларах, – смешался Щербинин, – а принимаю в рублях. По курсу.

– Слушай, какая тебе... – вмешалась Римма и осеклась

под его взглядом.

– Такой порядок. Голубчик, – с любезным видом пояснил Щербинин, отвернулся к ящику, и «Церквушка» сама влетела в ячейку.

– Как же быть, уважаемый? У меня нет столько рублей, – пробормотал покупатель. – Но если вы сделаете милость и обождете, я схожу обменяю. Где здесь...

– Нет, не могу, – отрезал Щербинин и захлопнул ящик. – Завтра!

Римма была довольна, что не ошиблась: это был все-таки иностранец или давно уехавший из России, что проскальзывало в лексике и в едва уловимом акценте.

– Послезавтра мой сын и я улетаем, – попробовал разжалобить пожилой, – а я хочу увезти память о Москве. – И подождав, сдался. – Ну завтра так завтра. В котором часу?

– С десяти до шести.

– Но пожалуйста, не продавайте никому, обещаете?

– Уж это я гарантирую, – с готовностью заверил Щербинин, отсоединяя от стенда «лапы» и укладывая на тележку.

– Я непременно куплю, можете быть покойны!

Щербинин разбирал стенд с видом, будто делает главное дело своей жизни.

– Стало быть до завтра, да? – попрощался пожилой со спиной Щербинина, улыбнулся Римме и направился с сыном в сторону Смоленской.

– Ой, – спохватилась Римма, кинулась в магазинчик, вы-

скочила, вынося на плечиках генеральский мундир цвета морской волны, бросила: – Игорек, я не заперла, пригляди, – и с мундиром наперевес ринулась за иностранцами. – Эй, эй? Минутку! – Поравнявшись с ними, она встряхнула на плечиках мундир. – Это вас не интересует? Exclusive! К нему еще парадный кушак. Уступлю за двести. Доллары я беру, нет проблем.

Пожилой на ходу покачал головой и вежливо улыбнулся:

– У нас много багажа, сожалею.

– Вы хоть представляете, что это? Генеральский мундир, участник парада Победы в сорок пятом. Лично видел вашего Рузвельта. Вы из Америки?

– Позвольте, где ж он видел нашего Рузвельта? – улыбнулся пожилой.

– Здесь, в Москве! На Красной площади, рядом со Сталиным. А по другую сторону – Черчилль, все участники коалиции. Не видели хронику? Парад Победы 24 июня 1945 года. Хотя да, у вас считают, что войну выиграла Америка. Я с одним говорила, так он вообще думал, что Советский Союз воевал на стороне Гитлера!

– Говорите, Рузвельт со Сталиным стоял?

– Да, по правую руку. А Черчилль – по левую. Там еще генерал Де Голь с ними...

– В кресле?

– Де Голь?

– Рузвельт!

– Естественно. На мавзолее сделали помост, кресло стояло на помосте – чтобы все были на равных. И Рузвельт делал рукой вот так... – Римма покачала ладонью. – Историю надо знать. Сколько вам было, когда вас увезли в Америку?

– Я там родился, – улыбнулся пожилой.

– Серьезно? А вы не из Нью-Йорка, случайно?

– Из Лос-Анджелеса.

– К Голливуду не имеете отношения?

– Некоторое.

– О, для съемок! – воскликнула Римма, вскидывая мундир. – Не вам, так кому-то еще, заработаете на этом. А где вы русский так освоили?

– В вашей тюрьме.

– Вы сидели у нас?! – округлила она глаза. – За что?

– Я Френсис Пауэрс, пилот самолета U-2. Меня сбили над Красной площадью в годовщину вашей революции – вас еще на свете не было. Я катапультировал – и прямо в ваше Кей-ДжиБи. Потом меня обменяли на вашего шпиона, давай бог память...

– На Абеля, – подсказала Римма. – Хотите совет? Вернетесь – проверьте холестерин.

– Холестерол? Высокий? Вот те раз!

– Сбили вас над Свердловском, теперь Екатеринбург, и не на ноябрьские, а Первого мая, в День международной солидарности трудящихся – теперь праздник весны и труда.

Пожилой приостановился, встретился с ней глазами –

и расхохотался:

– Поймала, поймала меня! Молодцом!

– What’s up, Dad? – недовольно спросил сын.

– A smart ass! – смеясь кивнул отец на Римму.

– Your son doesn’t speak Russian? – удивилась Римма и насколько могла кокетливо поглядела на сына. – Why? Your father speaks Russian almost like a Russian!

– I don’t like it, – отрезал тот.

– Russian or the Russians?

– I don’t know Russians.

– Bullshit! – цыкнул на него отец и повернулся к Римме. –

Не слушайте его.

– Dad! We gotta go, – не вытерпел сын.

– Мне тоже надо идти, – сказала Римма. – А то я на Игорька все бросила...

– Это не тот, у кого картины? – оживился пожилой. – Вы его хорошо знаете?

– Более чем. А меня зовут Римма, – сунула она руку.

– Майкл, – назвалса пожилой. – А моего сына – Дино.

Римма потянула было руку, но Дино лишь холодно кивнул.

– Приятно познакомиться, – поспешил исправить неловкость Майкл.

Римма смерила Дино насмешливым взглядом и улыбнулась Майклу:

– See you tomorrow! Вы же придете за картиной? Заодно,

может, надумаете... – Она вскинула мундира и его рукавом прощально помахала: – Bye-bye Michael!

Думая, что Римма вот-вот вернется, Щербинин не стал затаскивать телегу в ее «Сувениры», истратил полученное в сражении за «Церквушку» тепло и снова расчихался. Наконец она появилась, отмахивая на ходу мундиром, как кадилом.

– Ну ты даешь! – опередила она укору. – Пятьсот баксов за раскрашенную картонку!

– Но-но! За «раскрашенную картонку» я и обидеться могу.

– Мне самой нравится – я с позиции покупателя. Кто разбирается – у того нет денег. Для кабака – не та тематика. Для офиса – не тот размер. Для иностранцев... Я Ольке говорила: «Пиши авангард!» Давно б в «зелени» купались. А ты ходишь вхолостую! Хоть что-то сегодня ушло? Вчера?... Нашелся придурок – полтыщи баксов отваливает! Это ж... «Я доллары не беру». А завтра не придет. Что на тебя наехало?

Щербинин заулыбался, и Римма махнула рукой:

– Вот-вот, что еще остается. Сколько ты ее возишь, церквуху? И все не уходит.

– А почему? – с лукавинкой спросил он.

– Заломил!

– Для того и заломил. Я ее для себя вожу, поняла? Для настроения.

– Хм... Ну и объясни людям, а то... Завтра придут – что

будешь говорить?

— Завтра – я не приду.

– А я за тебя краснеть должна?

– Ты тут при чем – заболел! – Щербинин хотел изобразить чих – и правда чихнул. – Вот, видишь. Все, пошел лечиться. – И покатыл тележку.

– Игорек, они из Лос-Анджелеса, – закричала она вслед, – можешь Алене подарочек...

Щербинин быстро удалялся своей, как выражалась Римма, «экссклюзивной» походкой: в то время как его левая нога ступала нормально, правая, прежде чем опуститься, делала молниеносный финт наподобие знака интеграла. Сейчас он буквально летел, и тележка, казалось, летит вместе с ним. «Сюжет в духе Шагала, – улыбнулась Римма. – Игорек в обнимку с тележкой летит над Старым Арбатом».

Щербинин летел, подгоняемый одним желанием: поскорей водочки, закусить, лечь под верблюжий плед и отрубиться. Сейчас он был зол на весь мир: на холод, на этих америкосов, но больше на себя. Какого черта он стал выкладывать ей, почему возит эту работу и не продает. Чушь, конечно, но ощущение, что предал что-то сугубо личное, не оставляло, досада перекинулась на Римму. Порой он ее просто не переваривал. «Сколько ты ее возишь», блин. Какое твое собачье дело! Нет, надо подначить! Баба-то неглупая, не так уж и жизнью обижена. Нет мужа – кто ж ее вытерпит? Слова в простоте не скажет. Недостаток юмора, конечно, беда,

но избыток... Бедствие.

В эту минуту он увидел тех самых американцев. Они стояли разглядывали «Принцессу Турандот» у театра Вахтангова. Матерясь, он обежал их по дуге, пробежал мимо театра, свернул в Николопесковский, добежал до воротной арки, пересек двор и вошел в Ольгину мастерскую. Сегодня он решил ночевать здесь.

*

Майкл стоял у окна номера в пятизвездном отеле «Золотое Кольцо» на Смоленской. Из гостиной открывался вид на Москву-реку, Киевский вокзал на том берегу и уходящую в закат панораму города. Из головы не шел этот Игорек. Отчего тот не продал? Не любит американцев? А кто нас любит – любят доллары. А этот и доллары... Ну, фрукт!

Тут Майкл поймал себя на том, что думает на русском, чего не было тридцать лет, со смерти отца, который намеренно говорил с ним только по-русски. А нынче, верно, сказалось погружение в языковую среду.

С языка мысль вернулась к Игорьку. Ведь и завтра не продаст, скажет – рубли не беру, давай ему евро, юани... Да бог с ней, с картинкой, а вот поговорить с ним интересно. Эту попросить, с мундиром? Как ее, Римма? Ринна? Но Рузвельта там не было. Или был?

Майкл отошел от окна и сел за лэптоп. Нет, со Сталиным

Рузвельт встречался в Москве в сорок втором и в сорок четвертом; а в сорок пятом на пару с Черчилем – в Ялте.

Из душа вышел и сел к телевизору Дино. На одном из каналов шел русский сериал. Майкл присоединился, минут пять они смотрели из профессионального любопытства и разошлись по спальням. Многочасовой перелет с Тихоокеанского побережья через всю Америку, Атлантику, Гренландию, Скандинавию, разница во времени, неделя недосыпа в Санкт-Петербурге, откуда они приехали сегодня утром и целый день в Москву на ногах – все это накопилось, и Майкл уснул не донеся голову до подушки. Около двух он встал в туалет, снова лег, но заснуть уже не смог. Так с ним бывало при переутомлении или от обилия впечатлений. Но сейчас, возможно, что-то еще или все вместе.

Это было его первое посещение России – родины отца, Андрея Николаевича Ивлева. Вынужденный с приходом большевиков эмигрировать, отец душой и телом оставался русским человеком, учил сына русской грамоте, заставлял читать и перечитывать то немногое, что после всех перепитий добралось до Америки, и не уставал повторять: «Помни, Мика, – ты русский». Для «Мики», да и для взрослого Майкла, это был пустой звук. Что-то повернулось сейчас, когда их Боинг коснулся посадочной полосы в Пулково, и пассажиры, как обычно после трансатлантического перелета, захлопали. Несчетное число раз Майкл садился и у себя, и в Европе, чувствуя облегчение, что он на земле. Но впервые сейчас он

испытывал не чувство безопасности, а какое-то магическое воздействие земли, по какой бежал самолет. Что-то подкапало, и он чуть не со слезой пробормотал:

– Отец, я дома.

– What? – не понял Дино.

Сыну он объяснять не стал, да тот бы и не понял.

– No, nothing, – мотнул головой Майкл и отвернулся, смутившись неожиданного для самого прилива сентиментальности. Возраст? Или и вправду зов предков?

*

Все предки Майкла по мужской линии были из поколения в поколение моряками – и все они со дня основания в Петербурге Морского корпуса были его воспитанниками. Не найти, пожалуй, в дореволюционной России высшего военного учебного заведения более именитого, напрямую патронируемого царствующими особами начиная с Петра I.

Шли годы, сменялись столетия, государи, названия Корпуса, но неизменной для Иевлевых оставалась приверженность морю и воспитанная Корпусом преданность Вере, Царю и Отечеству. Последним, кому посчастливилось и не посчастливилось воспитываться в Морском Корпусе, был отец Майкла – Андрей. Не посчастливилось в том смысле, что за месяц до производства в мичмана Андрей Иевлев отказался присягнуть Временному правительству и ушел из Кор-

пуса, на нем морская династия Иевлевых закончилась.

Майкл отчасти ее продолжил. Когда его призвали в армию, он попросился в Navy и, пройдя учебку, получил назначение на тяжелый крейсер «Newport News», в то время флагман 6-го Флота США. Прошло более полувека, а Майкл по сей день благодарно вспоминал корабль, считая, что таким, каким он стал, он во многом обязан флоту. Уходил служить мальчиком, вернулся мужчиной. И в прямом смысле тоже.

Весь его дофлотский опыт общения с прекрасным полом сводился к поцелуйчикам и держанию за ручку. Иногда девочка позволяла потрогать ее коленку, а одна даже – о-о-о!!! – пустила его руку к себе в трусики, после чего он долго ходил под впечатлением этого события. До сексуальной революции оставался еще добрый десяток лет, и школу Майкл закончил девственником, как и все остальные – во всяком случае у него в классе.

*

В январе «Newport News» пересек Атлантику и вышел на боевое дежурство в водах Средиземного моря. Матросы уже долго были без берега, и все чаще после отбоя, едва гасили свет, заводили разговоры о сексе. Девственников, как Майкл, в отделении было еще двое. Они-то больше других и активничали, выдавая себя за бывалых. Майкл помалки-

вал, а когда спрашивали, хмыкал: «А чего себя растравливать? Трепом сыт не будешь». И верно. Пока кто-то в деталях описывал, где и как, и какая у нее задница и сиськи, и что они с ней вытворяли, спавший на соседней с Майклом койке Тони Мартинес из Аризоны хватался за свой кок и принимался яростно мастурбировать. Майкл стеснялся этим заниматься, хотя, понятно, тоже возбуждался. Как-то Тони не выдержал и спросил:

– А ты чего? Мускул тренировать надо. На берег сойдешь, а у тебя не фурычит.

Майкл снисходительно усмехнулся:

– Не перетренируй. Знаешь, что бывает? Пианист руки переиграл – все. Не пианист.

– Серьезно, что ль?

– Дело твое. А я свой для Барселоны поберегу.

Как раз незадолго объявили, что крейсер нанесет четырехдневный визит в Барселону, а затем в Венецию. Майкл написал домой, и даже успел получить ответ, написанный в несвойственной его маман восторженной манере:

«Это грандиозно! Завидую тебе, сама в молодости провела в Барселоне незабываемые дни. Такого разнообразия и органического единства архитектурных стилей не увидишь ни в одном городе мира. Осмотр начни с Готического квартала. Затем осмотри неоготику Антонио Гауди (твоя маман была знакома с этим гением). Творения его не поддаются описанию – это надо видеть! И не ленись заходить осмат-

ривать интервьюеры. Тебе, как будущему кинорежиссеру (если не передумал), да просто культурному человеку, это необходимо».

Дальше шел длинный перечень обязательных для осмотра объектов. Наивная маман! Как будто сын путешествует на круизном лайнере, а не служит на военном корабле, где еще полторы тысячи парней жаждут сойти на берег, пропустить стаканчик-другой и разгрузиться с какой-нибудь сеньоритой.

В преддверии захода в Барселону и посещения «NN» городскими властями, на судне начался аврал. Надраивали помещения, верхнюю палубу, надстройки, трапы – вылизали «коробку» до состояния операционной. Помощник машиниста Билл Минник организовал кантри группу, которая затем, по просьбе мэра, с успехом выступила по барселонскому радио. Офицеры проводили беседы, предупреждали, что Барселона – столица каталонцев, не следует путать их с испанцами, не то можно и схлопотать. В сепаратизме каталонцев воочию убедились еще на подходе к порту. Издали заметили высоченную, похожую на заводскую трубу колонну с фигуркой наверху. Как пояснил офицер, Колумб с докладом королю об открытии Америки приплыл именно в Барселону. «Обратите внимание, – сказал офицер, отдавая бинокль, – куда Колумб указывает рукой». Бинокль стал переходить из рук в руки, раздались голоса: «На нас! На Америку!» – «А где у нас Америка, моряки?» Возникло замеша-

тельство. По идее Колумб должен указывать на запад, а он указывал на юго-восток. «Почему, не догадываетесь? – улыбнулся офицер. – В этой позе он показывает спину Мадриду». – «То есть жопу Испании?» – уточнил Мартинес. Все заржали, а офицер заметил, что это дело каталонцев, и, сойдя на берег, следует дипломатично обходить углы.

В Барселоне крейсер ждали. «NN» был первым американским военным кораблем, посещавшим Испанию со времен Тедди Рузвельта в начале века. Встречать собралась большущая толпа. Играла музыка. Пригнали два грузовика с бочками испанского вина, тем, кто сошел в первый день, наливали бесплатно, и Мартинес сокрушался, что завтра халявы уже не будет. Сам он мог сойти и сегодня, но он хотел обязательно с Майклом.

Он был классный парень, этот Тони Мартинес, до службы успел жениться и заделать ребенка. Плавал он второй год, побывал не в одном порту и вообще знал о жизни много такого, о чем Майкл понятия не имел. К Майклу он особо проникся после того, как тот помог ему написать письмо жене, попросту сочинил. Для Майкла это была первая проба пера в эпистолярном жанре и второй литературный опыт после рассказа, что он написал в школе. Письмо Мартинесу так понравилось, что он зачитал всему кубрику, после чего Майкл писал письма «под копирку» для всего отделения.

– Возьми побольше денег, – предупредил Тони, когда они собирались в увольнение. – Сойдем – возьмем цыпочек.

Для Майкла это был первый сход на берег, и «возьмем цыпочек» здорово подпортило настроение. Просто отравило! Начать мужскую жизнь с проституткой, да еще что-нибудь подхватить... Дело даже не в этом, а как все пройдет. Внутри кошки заскребли. Пойти бы со всеми на экскурсию, купить сувениры, вкусенького... Майкл голову сломал, как ему отвязаться от Мартинеса. Перед сходней он бросил ему, что догонит, и вильнул в сторону, в то время как Мартинес, подпираемый задними, вынужден был сойти. Майкл же подошел к вахтенному офицеру и доложил, что умирает хочет в галюн.

– Как фамилия? – улыбнулся офицер.

– Матрос Иевлев, сэр!

– Да-да, помню. Как бабушка ноги разминала.

Он имел в виду школьный рассказ, что Майкл прочел в концерте на корабле: про бабушку, которая попросила внука научить ее ловить рыбу; они вышли в море, у нее затекли ноги, она стала расхаживать по лодке, и чем ее променад закончилось. После выступления, если не все полторы тысячи экипажа, то многие, встретив Майкла, стали интересоваться здоровьем бабушки после купания, не намерена ли она теперь заняться скуба-дайвингом, – словом, каждый юморил в меру своей фантазии.

– Теперь про это напиши, – предложил вахтенный, – как ты берег в галюне просрал.

– Есть, сэр!

– Сойдешь во вторую очередь. Когда все, вроде тебя, протрутся и соберутся.

На это Майкл и рассчитывал, думая, что Мартинес не дождется. Но Тони дождался и, едва Майкл сошел с трапа, напустился на него:

– В чем дело?! Чего застрял?!

Майкл похлопал себя по животу.

– Фак! Не мог раньше сходить?! Час потеряли! Давай, пошли.

– Куда?

– Туда, – махнул Тони и зашагал в сторону памятника Колумбу. – Я все разузнал, – заговорил он, подчеркивая, что не в пример Майклу зря времени не терял. – Нам надо в Баррио-Чино. Это недалеко.

– И что там? – сказал Майкл, прекрасно понимая что.

– Ко-ко-ко-ко, – дурашливо проквохтал Тони. – Цыпочки.

Китайский квартал.

– Может, Готический?

– Китайский, тебе говорю! Чино. Баррио-Чино.

– Тебе что, китаянку захотелось? – выдавил смешок Майкл.

кл.

Тони осклабился:

– А мне без разницы. Было б куда.

– Надеюсь, ты знаешь, что у них поперек? – с серьезным видом сказал Майкл.

Тони хихикнул:

– Иди врать. Серьезно, что ль?

Майкл авторитетно кивнул.

– Ну так я поперек и лягу – получится вдоль. Давай, прибавь ходу!

– Может, сперва город посмотрим? – без особой надежды предложил Майкл.

Тони даже приостановился от возмущения.

– Какой город!

– Барселону.

– Ивлев, у тебя совесть есть? Вчера на берег из-за тебя не сошел, сегодня прождал... – «Иевлев» Тони произнести не мог, и от него все стали называть Майкла «Ивлев».

– Мог не ждать, – сухо обронил Майкл.

– Как это? Договорились – вместе! – обиделся Мартинес

– Пошли, черт с тобой. – снисходительно бросил Майкл и размашисто зашагал.

Едва поспевая за ним и заглядывая в лицо, Тони заискивающе затараторил:

– А город посмотрим! Щас по-быстрому отстреляемся и... Я все узнал. От Колумба идет бульвар Ла Рамбла, главная улица у них, нам все равно по ней идти. Будет время – можно на рынок зайти, тоже на этой Рамбла. А больше тут и смотреть нечего.

Это на взгляд Мартинеса. Майкл же с каждым следующим шагом влюблялся в город. День выдался солнечным, ярким, каким-то праздничным. Пока шли до площади Портал

де ла Пау, где стоял Колумб, их неизменно встречали улыбками и прочими проявлениями дружеских чувств, по форме опознавая моряков с «Newport News». На время Майкл даже забыл о предстоящей Голгофе. На площади Мартинес хотел было свернуть на бульвар, но Майкл заявил, что намерен осмотреть рельефы на основании колонны, и направился к монументу. Тони, канюча, почапал в кильватере. У памятника стояла очередь желающих подняться наверх и взглянуть на Барселону с высоты двухсот футов.

– Тони, – категорично заговорил Майкл, – я хотел осмотреть город – ты не дал. Я тебе уступил. Теперь твоя очередь. Поднимемся, сразу все увидим – и идем в твой Чино. Дил?

– Креси? – возмутился Мартинес. – Стоять в такой очереди? – Он глянул на часы и поднес их к носу Майкла. – До конца берега простоишь!

Очередь была небольшая, но лифт поднимал по два-три человека, и Майкл согласился, что Тони прав. Они готовы были уйти, когда их окликнул служитель, догадавшийся, что моряков смутила очередь. Он сказал, что посадит их, как только спустится лифт. Очередь не протестовала – протестовал Мартинес. Правда, молча. На вопрос о билетах служитель осклабился и сообщил, что для моряков с «Newport News» – бесплатно.

Лифт был крохотный, тащился вечность и привез на малюсенькую площадку, где теснилось столько народу, что Майкл не без опаски подумал, как бы не обвалилась. Люди

ползли сплошной массой мимо смотровых окон, и вернуться к лифту можно было лишь пройдя весь круг. О том, чтобы протиснуться вперед, не было и речи.

– Фак, – матерился Тони, – так до вечера не дочапаем. Какого черта сюда поперлись!

Но когда сверху открылась панорама порта с его зданиями, сооружениями, причалами, а дальше сколько хватает глаз необыкновенной лазури море, даже Мартинеса проняло.

– Ух ты! А там... Гляди, это ж наш NN стоит! Видишь? Классная «коробка», да? А ты чего увидел?

– Крепость какая-то... Нет, на горе.

– А, вижу.

Увешанный оптикой мужчина впереди обернулся:

– Крепость Монтжуик, ребята. Вы с «Newport News», не так ли?

Мужчина, поговору – англичанин, оказался словоохотливым. В Барселоне он уже второй раз, но с Колумба обозревал город впервые. По мере того как они ползли мимо смотровых окон, и взгляду открывались все новые виды, англичанин пояснял где и что.

– Вон там – видите шпиль? Это знаменитый Кафедральный собор. Нет, правее...

– А Храм Святого Семейства?... – поинтересовался Майкл.

– О, Саграда Фамилия! Вон он... Нет, ближе к горам. Че-

тыре шпиля.

– На сосульки похоже? – уточнил Мартинес.

Англичанин улыбнулся:

– Скорее на рождественские елки, – высказал Майкл.

– О да! – подхватил англичанин. – Верно подмечено. –

И предложил Майклу бинокль.

Солнце садилось, отсвечивая в ребрышках ажурных спи-лей храма, будто и вправду на них надели гирлянды лампочек. Сзади напирали, и он не без сожаления вернул бинокль.

– А вы не хотите посмотреть? – предложил тот Мартинесу.

Тони было отказался, но тут же передумал и взял.

– А Баррио-Чино – куда смотреть?

– О! – понимающе осклабился англичанин, и Майкл почувствовал, что краснеет. – Вниз смотрите. Видите улицы под углом? Левая – Параллель, а в платанах – Ла Рамбла. Кто не побывал на бульваре Рамбла – не был в Барселоне. Писатель Сомерсет Моэм, а он кое-что повидал, назвал Рамбла красивейшей улицей мира. А впереди... Видите улица пересекает эти две? Оспиталь. В этом треугольнике и заключен Баррио-Чино.

Тони приложил к глазам бинокль.

– Нет, ближе, ближе! – корректировал англичанин. – Невооруженным глазом видно. Если только вы не хотите ко-го-то конкретно разглядеть.

– Китайянку, – хихикнул Тони.

Англичанин засмеялся и покачал головой.

– В Баррио-Чино можно встретить кого угодно. Кроме китайцев.

– Квартал же китайский? – с недоверием возразил Мартинес.

– Я думаю, в подражание Америке: там у вас чуть не в каждом городе чайнатаун. – Лицо англичанина сделалось серьезным. – Место, ребята, не самое спокойное в Барселоне, с наступлением темноты туда лучше не заходить.

Когда, довершив круг, доползли до лифта и спустились вниз, уже смеркалось.

– Пошли скорей, – буркнул Тони.

– А морской музей? – заикнулся было Майкл. – Англичанин сказал – это рядом...

– Какой факин музей! – выматерился Тони. – Послушай, Ивлев... – Он подозрительно сощурился. – Может, у тебя не стоит? Или ты этот, а?..

В ответ Майкл хмыкнул и снисходительно потрепал Мартинеса по плечу.

– Только сперва зайдем пожрем, okay?

Что-что, а насчет пожрать Мартинеса уговаривать не пришлось. Сели за первый же уличный столик в начале Рамбла. Официант посоветовал взять паэлью и поставил им кувшинчик с вином и керамические кружки. Майкл тут же опустошил одну и закурил. Тони потягивал вино, глазел на фланирующую мимо публику и комментировал. Майкл рассеянно кивал, думая лишь о том, что его ждет. Ну приведет она его

куда-то, очевидно, разденется и ляжет. Следует ли раздеться ему? Или с проститутками не раздеваются... Свет он погасит и... Теоретически он представлял, что делать дальше. Конечно, она поймет, что он еще... Плевать, она делает свою работу, за что и деньги получает. А он заплатит ей сверху, чтоб не сболтнула Мартинесу. Чего комплексовать? В конце концов, Пикассо распротился с девственностью тоже с проституткой и тоже в Барселоне, что не помешало ему стать Пикассо. А какого черта англичанин это рассказал? Догадался?..

Принесли паэлью. Блюдо выглядело аппетитно, но есть Майкл не смог. Ковырнул пару раз рис, отодвинул тарелку и снова закурил.

– Ты чего? Ешь! – потребовал Мартинес. – Сколько ты собираешься тут рассиживать?

– Я готов, – сказал Майкл и взглядом поискал официанта.

– Ты ж ничего не съел? Не нравится?

– Расхотелось.

– Тогда я дозаправлюсь, окей? – Тони придвинул к себе его тарелку и все сметал.

Они рассчитались и вышли. На Рамбла тем временем зажглись фонари. В другом состоянии, Майкл, вероятно, разделит восторги Моэма, хотя из мировых городов пока видел лишь Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Париж, куда его дважды возила маман.

Они шли в пестрой толпе, плывущей под платанами – ми-

мо лотков с цветами, лавок с сувенирами, художников, уличных клоунов, живых скульптур, одна из которых, римский патриций, ожила и бесплатно отдала морякам честь. Не то чтобы Майкл ничего этого не видел – глаз фотографировал чьи-то лица, какие-то детали, фасады зданий, но именно фотографировал – бездумно, бездушно, как механизм фотокамеры. Пару раз подходили гадалки, оба раза к Майклу. Тони их отгонял на испанском, недоумевая, почему именно к Майклу. Тот отшучивался, хотя прекрасно знал почему. Отец рассказывал о способности цыганок читать, что у тебя на душе. А на душе было все то же: страх.

В конце концов, не он первый, не он последний. У каждого это когда-то в первый раз. Теперь тревожило скорее другое. От кого-то он слышал, что раз вкусив женщину, без этого уже не сможешь. А когда месяцами болтаешься без берега – не станет ли он таким же страдальцем, как Тони, который ни о чем, кроме женской задницы, думать не может. С другой стороны – а как же на станциях в Антарктиде? По полгода, по году без женщин!

К моменту, когда свернули с Рамбла в Баррио-Чино, Майкл психологически уже перешел Рубикон. Однако по мере того как они углублялись в квартал, решимость его падала. В двух шагах от светлого, мажорного, праздно гуляющего бульвара начинался другой мир. Кривые, полутемные, замусоренные улочки, пропахшие мочой, бараниной, дешевыми духами и гашишем. С балконов развалюх свисают су-

шатся простыни. Хоть англичанин и сказал, что с этого года Франко запретил проституцию, но, то ли рука Мадрида сюда не дотянулась, то ли древнейшая профессия потому и древнейшая, что пережила все запреты, – ночные бабочки, разного возраста и пола, стояли тут на каждом шагу, подпирая двери баров или вообще без вывески – лампочка да звонок. Бабочки вспархивали намазанными ресницами и дежурно улыбались. Между ними крутились жуковатого вида субъекты: сутенеры? диллеры? карманники? – кто их разберет. От всего исходил запах порока, пугая и будоража воображение, чего с Майклом не было ни на Сен-Дени, куда он тайком от маман бегал поглазеть на парижских проститутток, ни дома, где с одной даже подружился. Ему тогда было пятнадцать.

Он шел вечером по Сансет бульвару и курил. На углу с Ла Сиенигой его окликнули. По сапогам, юбчонке, едва прикрывавшей промежности, и навешенным фенькам и цацкам он понял, кто она, и хотел пройти. Она попросила сигарету. Он вынул из пачки и, не глядя ей в лицо, протянул. Она спросила зажигалку. Он поднес огонек и хотел отойти, но она остановила, полезла в сумочку, порылась в пакетиках и выудила конфету. Он брезгливо мотнул головой и сослался на больной зуб.

– Окей, – сказала она, – подрастешь – дам тебе сладкое, от чего зубы не болят.

Майкл оскорбился и глянул ей в лицо. Она была хорошенькая, но ужасно накрашена.

– Не настолько ты старше! – взбрыкнул он.

Она улыбнулась:

– Достаточно, чтобы пойти за тебя в тюрьму.

На следующий день он рассказал о событии школьному другу Патрику Уолшу, упитанному, флегматичному ирландцу, готовящему себя к музыкальной карьере. Такой же девственник, Патрик считал себя знатоком женщин, образовывал Майкла и с самого первого номера Playboy (с фото Джин Мортенсон, будущей Мэрилин Монро, на обложке) притаскивал журналы, где они с вождением разглядывали полуголых красоток.

– Тебе ее надо приручить, – выслушав товарища, компетентно заключил Патрик. – Чтоб она не боялась, что ты трепанешь предкам.

В словах Патрика был резон и, собравшись с духом, Майкл отправился на Сансет. Она стояла на том же углу. Она его помнила, даже обрадовалась. Звали ее Ана, она была из Колумбии. Постояли покурили. Он посоветовал меньше краситься и не нацеплять столько побрякушек, а то солидный клиент не клюнет.

– Дурачок, – засмеялась она, – петух клюет на блестящее. – Однако совета послушала.

Ана стала объектом его сексуальных грез. Когда он ее не заставлял, он ревновал. Как-то он проторчал вечер, издали наблюдая, с кем она уйдет. Остановилась машина, загородив ее, а когда отъехала, Аны не было. Ночь он не спал, утром

решил никогда-никогда ее не видеть, вечером они традиционно покурили, и Ана традиционно же сказала:

– А теперь иди, не отсвечивай, мне нужно работать.

Так продолжалось до летних каникул, когда они с маман улетели во Францию. В Париже он тайком от маман купил Ане брошь и, едва они вернулись, помчался на Сансет. Аны не было ни в этот вечер, ни в следующие. Патрик считал, что ее депортировали.

*

И сейчас, попав в Барио-Чино, Майкл подумал про Ану. Вдруг она каким-то чудом оказалась здесь? «Господи, пошли мне Ану!» – взмолился он.

– Чтоб я с тобой еще пошел, Ивлев!.. – ворчал Тони. – То ему посрать, то на факин башню, щас принцессу ему подавай! Вон та, погляди...

– В лиловом? Ноги колесом?

– Да нет, рядом, длинная. Сиськи, а? Гора!

– Дай мне бра – я туда вершины Мак-Кинли натолкаю!

– Думаешь, не свои? – засомневался Мартинес.

– Откуда у мужика свои?

– Парень, что ль? Иди врать! А вон та, в красном? Тоже, скажешь, парень?

– А фэйс? Ей сто лет!

– Фэйс фланелькой накроешь. Скоро на «коробку», а ни

одного пистона не поставил.

– Я тебя не держу.

Мартинес пробурчал что-то, но от Майкла не отстал. Они обошли матроса с торгового судна, лежащего поперек тротуара в луже мочи, и свернули в переулок.

– Ты хоть знаешь, куда идешь? – не унимался Мартинес. – Заблудимся, фак!

Майкл не отвечал, но шел весьма уверенно, хотя и не знал куда. Ноги сами несли. И вдруг остановились перед дверью под вывеской: «Café».

Вспоминая потом тот день, он не раз задавался вопросом, почему остановился именно перед этой дверью. Потому ли, что ее никто не подпирал и на вывеске не было красоток в призывных позах – или кто-то свыше остановил его перед этой дверью? За стеклом виден небольшой зальчик, освещаемый лишь светом от бара, но за стойкой никого, как и в зале.

– Закрыто, – буркнул Тони.

Майкл толкнул дверь. Та открылась, звякнув колокольчиком, и они вошли. У Майкла мелькнула надежда, что заведение чисто питейное. Они прошли и сели за стойку.

– О, смотрите кто здесь! – появляясь из-за портьеры, ослабил бармен и на сильно ломаном английском спросил, что военные моряки будут пить.

Они заказали виски. Бармен поставил перед ними стаканы, продолжая улыбаться, отчего его рожу не делалась менее бандитской. У Майкла появилось желание уйти.

– Выпьем и отвалим, – предложил он. – Цыпочками здесь не пахнет.

– А это мы щас выясним, – сказал Тони и залопотал с барменом по-испански.

Тот что-то отвечал, наливая им виски, и скрылся за портьерой.

– Щас все будет, – довольно сообщил Мартинес.

У Майкла внутри екнуло, но он не подал виду.

– Отлично, – небрежным голосом бросил он и глотнул виски.

– Слушай, – озабоченно заговорил Тони, – я думаю, здесь сильно дорого. Может, одну на двоих возьмем? А? Ты как?

Только этого Майклу не доставало!

– Мне твоя жопа в душе глаза намозолила, – буркнул он.

– Ну, тогда, махнемся потом, окей? – хихикнул Мартинес.

– Там видно будет, – сказал Майкл, лишь бы отвязаться, вытряхнул в рот остатки льда из стакана и стал сосать.

Алкоголь не брал. Вернулся бармен, кивнув – все окей. Майкл заказал двойной и закурил. Через минуту из-за портьеры вышла девушка, в покоем на пеньюар нейлоновом платье, сквозь которое просвечивали черные чулки на поясе с подвязками и соски ничем не прикрытых грудей. Внешне она походила на девушку из Playboy. Она улыбнулась и коряво отбарабанила заученное: «Hi! How are you doing? My name is Montserrat». Майклу показалось, что он ей понравился, а уж она ему – точно. Тони обойдется кем-то и попро-

ще. В конце концов, он его сюда привел и имеет право выбирать. Майкл хотел назваться, но Мартинес уже сунул ей руку: «Antonio». – И продолжал по-испански что-то чирикать. Она засмеялась и села рядом с ним. «Факин чикано! – ревниво выматерился про себя Майкл. – Фак, надо было раньше условиться». Тони бросил что-то бармену, и тот поставил перед Мансеррат фужер вина. Майкл подумал, что надо взять это на вооружение. Пощebetав, парочка встала и направилась к портъере. Тони оглянулся и подмигнул.

Время шло, никто не выходил. Что за черт! Может, Мартинес не послушал и взял одну на двоих? Майкл вопросительно глянул на бармена. Тот истолковал его взгляд по-своему и повторил виски. «Ну и рожа у этого корсара!» – снова подумал Майкл и, потягивая виски, не без зависти представил, чем там занимаются Тони и Монсеррат.

Послышалось цоканье каблучков, из-за портъеры вышла женщина, мельком взглянула, кивнула и поцокала в зал. Ничего оголенного. «Хозяйка или корсарова жена», – решил Майкл. – Ну точно Мартинес сэкономил взял одну на двоих. Нет, после него – фу!

Майкла аж передернуло. Бармен истолковал это по-своему.

– Не нравится? – сказал он на своем корявом. – Лучше у меня нет. Да и в Барселоне.

– Что? – не понял Майкл.

– Линда, – кивнул Бармен в сторону зала. – Ее зовут Лин-

да.

Майкл обернулся. Линда сидела на диване перед низким столиком. В полутьме ее почти не было видно, только огонек сигареты.

– Давай, моряк! Будешь благодарить Уго, – подбодрил бармен.

Майкл глупо ухмыльнулся, пряча смятение, заглотнул остаток виски и достал сигарету. Бармен услужливо поднес прикурить. Майкл обреченно сполз с табурета и, чувствуя дрожь в коленках, пошел. Что ей сказать? Да вряд ли она по-английски...

Подойдя, он плюхнулся на диван, что стоял углом к тому, где сидела она.

– Привет, – непослушными губами, не глядя на нее, сказал он. – Не помешаю?

Она, видно, не поняла и сказала:

– Линда.

– Майкл. Приятно познакомиться.

Эту фразу она знала и заученно ответила. Майкл сделал несколько нервных затяжек и, по-прежнему не глядя ей в лицо, спросил, что она хотела бы выпить. Она усмехнулась:

– *Chateau d'Yquem*.

Майкл опешил. Не потому, что она назвала одно из самых дорогих вин, а оттого как она произнесла это «*Chateau d'Yquem*», совсем как его маман, на чистом французском.

– *Parlez-vous francais?* – спросил Майкл, впервые глянув

на нее, – и встретил ее слегка удивленный взгляд.

– Уго сказал: ты американец, – по-французски же ответила она.

– Американец.

– А говоришь как француз.

– Ты тоже, – впервые улыбнулся Майкл.

– Я в Британи родилась, в Сен-Мало. Там порт. А ты в Париже? Выговор парижский.

– Мать парижанка, я родился Нью-Йорке. – Майкл прикурил от сигареты другую и встал. – *Chateau d'Yquem? En 1762, okay?*

Она вскинула на него лукавые глаза и взмахнула густо накрашенными ресницами. «Хулиганка!» – про себя улыбнулся он и направился к стойке. – А глаза чудные. Стрижка «Утиный зад», самая модная, смыть штукатурку – не больше двадцати. Это она сперва показалась старой. – Он заказал виски и фужер бордоского. Бармен оценил выбор.

– Понравилась девочка? – удовлетворенно сказал он.

Майкл отнес выпивку и снова прикурил от сигареты.

– Как Шато-Икем? – спросил Майкл.

– Бордо, – засмеялась она.

– О, ты разбираешься в винах как истая француженка!

И какое Бордо?

Она снова засмеялась:

– У него только одно. – И с кривой усмешкой добавила: –

Я думаю, я немка.

Фраза прозвучала странно, но Майкл не стал уточнять, а спросил:

– А откуда ты знаешь Шато-Икем? Пробовала?

Она улыбнулась:

– Читала. А ты?

– Любимое вино моей маман. Отец ее был богатый человек и иногда ее баловал.

– Как меня Уго. – кивнула она на бармена.

– Твой отец? – изумился Майкл.

Она коротко засмеялась.

– Мой хозяин. Он ко мне хорошо относится и иногда угощает Бордо. Больше-то меня никто Бордо не угощал, ты первый.

– Я рад, – смутился Майкл, собираясь прикурить новую сигарету.

– Уже четвертая, – заметила она и встала с недопитым фужером. – Пойдем?

– Допей, я еще возьму! Давай поговорим.

– Твой друг заплатил за полчаса, знаешь? – Она поглядела на часики.

Майкла резанула ее деловитость, напомнившая, что она не на свидании, а на работе.

– Пошли! – Она протянула Майклу руку.

Рука была узкая и теплая. Она провела Майкла за портьеру, за которой открылся коридорчик с несколькими дверями. Она толкнула одну, и они вошли.

Майкл был не в том состоянии, чтобы разглядывать клетушку, куда ввела его Линда, назвав это «кабинетом». Потом он мог вспомнить лишь заваленную множеством подушек постель и аляповатую картину с парящими ангелами – на месте окна. Очевидно, там была еще тумбочка или что-то вроде, на что Линда поставила фужер, и повернулась к нему:

– Ну, что ты хочешь?

– Я... Э-э... – Майкл стушевался. – Можно я тебя поцелую? – краснея спросил он.

– Что? – Она прыснула, но тут же подумала, что не поняла его. – Ах ты, шалунишка, любишь это? Окей. – Она присела на край кровати, легла на спину, согнув ноги в коленях, и, раздвинув их, подняла подол своей широкой лимонного цвета юбки. Майкл стоял чуть сбоку и видел лишь ее оголившееся бедро, оттененное темным краем чулка. Трусики на ней не было. На миг у него даже в голове помутилось.

– Ну, целуй же! – сказала она нетерпеливо и слегка раздраженно.

Он подступил к ней и, опершись на руки, наклонился к ее лицу. Она оттолкнула его, резко села и, опустив юбку, сверкнула глазами:

– Ты что делаешь?

– Ты сказала – целуй...

– Ну не сюда же! – Она закрыла ладонью рот и помотала головой.

– Почему? – простодушно удивился он.

– Потому! – отрезала она.

Майкл стоял подле нее, решительно не зная, что делать.

Она посмотрела на часики:

– Ну, если ты ничего не хочешь, мы еще успеем выкурить по сигарете.

– Я все хочу! – выпалил Майкл.

– На «все» уже нет времени.

– Я доплачу.

– И на сколько ты хочешь меня взять?

Теперь на часы посмотрел он:

– Еще на час.

Она неспешно допила вино и протянула ему фужер.

– Окей. Тогда принеси мне еще вина.

Майклу показалось, что она согласилась без особой охоты. Он обозлился, и это придало ему смелости.

– Только... – Он твердо посмотрел ей в глаза. – Не могла бы ты... – И провел рукой вокруг своего лица, как бы умывая.

– Что?

– Смой.

– Что?

– Краску.

– Что-о-о?! Я что, по-твоему, каждый час должна краситься? Возьми меня на ночь и делай со мной что хочешь.

– И в губы целовать?

Она нахмурилась и покачала головой.

– В губы я буду целоваться с мужем.

– Ты замужем?

Она посмотрела на него как на идиота и приснула:

– Ты какой-то странный.

– Это плохо?

– А у тебя денег хватит?

Он извлек из-под фланелевки пачку, показал:

– Хватит? – И повернулся к двери.

– Ты куда?

– Заплачу.

– Постой! Если на ночь, нам нет смысла тут оставаться.

В отеле намного дешевле. – Линда встала. – Я только скажу

Уго и надену что-нибудь теплое.

– А как мне предупредить друга?

Они вышли в коридор, и Линда окликнула Монсеррат.

«*Si!*» – послышалось из какой-то комнаты, дверь приоткрылась, и Монсеррат высунула голову.

– Ему надо поговорить с другом, – сказала ей Линда.

Дверь затворилась, и через секунду Монсеррат вышла,

в том же газовом платье-пеньюаре, под которым ничего

не было. Глаза Майкла непроизвольно скользнули по ней.

В ту же секунду он почувствовал на себе взгляд Линды и смутился. Она улыбнулась:

– Ты не передумал?

– Что? – не понял Майкл.

– Взять меня?

– Конечно нет! – возмутился он.

– Тогда иди поговори, а я пока переоденусь.

Он вошел в такую же клетушку, только вместо картины с ангелами в на месте окна было окно. Тони возлежал голый, но при виде Майкла застеснялся и натянул простыню.

– Все, отстрелялся? – спросил Тони. – Сколько?

– Чего?

– Пистонов.

Майкл снисходительно улыбнулся:

– В постели я занимаюсь любовью, а не арифметикой.

– А я всегда считаю. Потерял форму, не потерял. Ну, как твоя?

Вместо ответа Майкл выставил два больших пальца.

– Моя тоже ништяк. Спасибо тебе огромное.

– На здоровье.

Тони посмотрел на часы:

– Ну что, щас последний поставлю – и отваливаем? Еще успеем пожрать.

– Это без меня, я ухожу.

– Как? Не подождешь меня?!

– Мы идем в отель. С ней.

Тони вытаращился. И захихикал. Майкл махнул ему рукой, собираясь выйти.

– Ты что, сдурел?

– До завтра.

– Постой! Соображаешь? Знаешь, что тебе будет?!..

– Что, – усмехнулся Майкл, – повесят на нее? Засунут в мешок и за борт?

– Арестуют будут судить. Слышал, что про этого Дона говорят? Отматывают на всю катушку. Тем более завтра тринадцатое.

Под «Доном» имелся в виду вице-адмирал Гарри Доналд Фелт, который только вчера принял командование кораблем и одновременно 6-м Флотом, сменив на этих постах вице-адмирала Ральфа Офсти. «Дон» – была кличка нового командира, долетевшая до «Newport News» раньше, чем он сам.

– Плевать, – бросил Майкл.

– Месяц губы! А то в тюрягу в базе. Ради кого? Фак!

Майкл снова прощально махнул. Тони вскочил с постели и схватил его за руку.

– Не дури! Я одеваюсь. Вместе идем.

– Куда-а? – усмехнулся Майкл. – С нами в отель?

– На «коробку» – куда!

– Ты настоящий друг, Тони, – сказал Майкл, разжимая его пальцы. – Я ценю это. Только не мешай мне.

– А что я скажу? Знают – я с тобой.

– Скажешь... Скажи – потерялись. Ну... – Майкл протянул руку.

– Может, передумаешь? – задерживая его руку, попросил Тони. – Сколько еще портов, сколько цыпочек! Я мигом оденусь. А?

Майкл высвободил руку.

– Ну ты, Ивлев, загульный! – сказал Тони не то с осуждением, не то с восхищением.

– Русский.

– Кто, ты? Да иди ты. А что ты здесь делаешь, русский?

– То же, что и ты.

– Нет, в Америке?

– Я сказал «русский», а не «совдеповский».

– Чего?

– Ну не советский, не из Советского Союза.

– А-а. А...

В дверь постучали, и заглянула Монсеррат. Майкл жестом показал, чтоб она вошла.

– Линда... – обратилась она к Майклу и, не зная, как сказать по-английски, сказала по-испански Тони, а тот перевел:

– Твоя тебя ждет на улице.

– Ну, хорошего пистона! – пожелал Майкл.

– Я б обошелся, – пробурчал Тони, искренне расстроенный. – Я к тебе привык, Ивлев.

– Я к тебе тоже, – улыбнулся Майкл.

*

Выйдя из кафе, с бутылкой шампанского под мышкой, Майкл увидал только какую-то девушку. Он глянул в один конец улочки, в другой – Линды не было, и хотел вернуться внутрь, когда девушка окликнула его по-французски:

– Эй, не узнаешь? Это я, Линда.

Он поверил, что это она, признав ее широкую лимонного цвета юбку. Линда была в том же платье, перехваченном широким поясом, в приталенном жакете, в широкополой шляпе с лентами и выглядела стильно. Майкл подошел и изумился еще больше:

– *Ouh là là!*

Она улыбнулась:

– И как я без косметики?..

– Ты... – захлебнулся он от восхищения. – Влюбиться можно!

Она отмахнулась и взяла его под руку:

– Идем, отель тут рядом.

– Правда можно влюбиться, – с горячностью заверил он. – Ты...

Она оборвала:

– В проституток не влюбляются. Их используют и бросаю. Вместе с шапо.

– Неправда! А Арман и Маргарита в «Даме с камелиями»?..

– Книжка? Ну, в книжке...

– Роман Дюма! Не читала? Дюма написал про свою возлюбленную, Мари Дюплесси. Знаменитая история! Композитор Верди сочинил по ней оперу, Шопен балет, а фильмов, спект...

В эту минуту Линду окликнули. Несколько девиц отира-

лись у двери без вывески и, судя по ухмылкам, стали отпустить скабрзности. Линда не сбавляя шага отмахнулась.

– Что они?.. – любопытствовал Майкл.

– Какого морячка себе подцепила, – с довольным смешком сказала она и прижалась бедром к его бедру.

Млея от упругого тепла ее ноги, Майкл старался приноровать свой шаг и не потерять это блаженное состояние. Несмотря на каблуки, Линда ступала размашисто и твердо.

– Отель вот, – кивнула она на невзрачного вида здание, возле которого ошивались сомнительного вида личности, и, в ответ на его невольную гримасу, предложила: – Лучше дойти до Пласа Реаль, там ненамного дороже, зато...

При мысли провести первую в жизни ночь с женщиной в этом притоне, Майкл было внутренне содрогнулся и теперь с облегчением пошутил, что с ней он готов взобраться даже на Монжуик и выпить шампанское на самой вершине.

– Зачем ты его купил? – не то с упреком, не то с досадой сказала Линда.

– Не любишь шампанское? – не поверил он.

– Обожаю. Мы бы по дороге купили, у Уго в три раза дороже.

Майкл улыбнулся:

– Презент американскому военному моряку.

– Правда? – засмеялась она. – Ты ему понравился. Держу пари, твоему другу он не подарит.

За разговором он не заметил, как Линда вывела его к Рам-

бла. На бульваре было светло, людно. Играла музыка. Они перебежали проезжую часть, и Майкл свернул на бульвар.

– Ты куда – нам туда!

– Идем, – сказал он и подвел ее к цветочным лоткам. – Какие ты любишь?

Ему показалось, что она покраснела.

– Даже не знаю, – сказала она. – Глаза разбегаются. Выбери сам.

Майкл долго выбирал, выбрал розы, остановившись на перломутровых, с прозрачно-желтыми лепестками в середине цветка. Цветочница взглядом оценила выбор.

– Нравится? – спросил он у Линды.

Она привстала на носки и, обхватив его за шею, чмокнула в щеку. Майкл заплатил и вручил ей букет. Линда погрузила в него носик, втянула аромат и, прижав цветы к груди, блестящими глазами посмотрела на Майкла.

– Мне сроду не дарили цветов!

– И на день рождения?!

– Я даже не знаю, когда я родилась.

Майкл потряс головой и повел ее дальше, беря за талию – талия была тонкая и гибкая.

– Ну, все когда-то бывает в первый раз. – философски проговорил он.

– Ты всем женщинам цветы даришь?

– Маман. И сестре, когда прилетает в Лос-Анджелес.

– А другим женщинам?..

Майкл улыбнулся:

– Тебе первой.

Линда засмеялась, приняв это за шутку.

– Честно!

– Врун. А почему мне?

Секунду Майкл колебался и сказал, словно бросаясь с моста:

– Ты у меня первая. Будешь.

Она хохотнула.

– Правда первая! – заверил он.

Она приостановилась и недоверчиво посмотрела:

– Ты еще ни с кем, не врешь?

Майкл помотал головой. Она засмеялась, кажется слегка смутившись.

– Тебя это смущает?

– Еще бы! – снова засмеялась она. – Ты у меня тоже первый будешь. Такой.

Майкл тоже засмеялся, и они пошли дальше. Внимание его привлекло старинное здание. Над входом: «HOTEL ORIENTE», а выше – большое арочное окно. «Чуть не XVII век! – подумал он и спросил: – Может, туда?»

– В «Husa Oriente»? – Она помялась. – Я там никогда не была.

– Вот и отлично!

– Там намного дороже.

– Слушай! Я хочу запомнить этот день. Эту ночь! Поняла?

Линда кивнула, но что-то ее определенно напрягло. Что именно – Майкл догадался, когда они подошли к массивным дубовым дверям гостиницы, и он, взявшись за ручку, обернулся. Линда остановилась в нескольких шагах и выглядела оробевшей. Майкл кивком ободрил ее, и они вошли. И опять она остановилась недоходя до фронтдеска.

Поздоровавшись на английском, Майкл положил на стойку двадцать долларов, прилепнул банкноту ладонью и придвинул к портье. Двадцатка тут же исчезла, а на лице портье расплылась угодливая улыбка. Майкл назвал себя месье и мадам Дюбуа, сказал, что они в свадебном путешествии, утром рано уезжают и хотели бы хорошо провести ночь. Глаза портье скользнули по его форме, но вопросов не последовало. Оплачивая, Майкл поинтересовался зданием. Постройка действительно была XVII века. Получив ключ на деревянной груше, Майкл хотел отойти, но портье окликнул:

– Сеньор... – улыбался он, – у вас прелестная жена!

Линда ждала натянутая как струнка, прижимая к груди розы.

– Все в порядке? – с тревогой спросила она. – О чем вы так долго?..

– А что могло быть не в порядке? – И он поболтал ключом.

– Ну... – Она помялась. – Боялась, меня сюда не пустят.

– Это почему?

– Сам знаешь почему.

– Как это могут не пустить жену?

– Ты сказал – я жена? И он поверил? Все знают, к нам зашел ваш корабль.

– Я сказал, у нас свадебный вояж, а он – что у меня престная жена. Чем мы не молодожены? Ты у меня первая, я у тебя первый такой... – Майкл взял ее за плечи и повел к широкой, веером уходящей наверх лестнице, огражденной старинными чугунными перилами, с начищенными до блеска медными поручнями. – У нас на втором. Раньше здесь был женский монастырь. Интересно, какую келью он нам дал.

Линда хихикнула и, с каким-то пиететом, стараясь не стучать каблуками, стала подниматься по мраморным ступеням. Они прошли по ковровой дорожке коридора и остановились перед номером. Майкл отдал ей подержать шампанское, отпер дверь, подхватил Линду на руки и внес в комнату.

– Как невесту! – смеясь сказала она.

Майкл опустил ее на постель и пошел зажечь свет. Пока он искал выключатель, Линда уже зажгла лампу на тумбочке. Они огляделись. «Келья» оказалась довольно просторной и уж никак не монашеской.

– Очаровательно! – в восторге воскликнула Линда.

Номер был решен в бордовых тонах. На двуспальной кровати бордовое покрывало; бордовые шторы; два креслица с бордовой же обивкой и такая же банкетка. На овальном столике старенький «Филиппс», кувшин и стаканы. В кувшин она поставит розы.

– Шам-па-анское! – провозгласил Майкл.

Пока они шли, шампанское взболталось, и как Майкл ни старался, их обдало пеной. Линда взвизгнула, и оба рассмеялись. Майкл наполнил стаканы.

– Ну... – Он собирался произнести тост, но Линда опередила:

– За первую брачная ночь в женском монастыре!

– С монашкой, – выскочило у него, и он тут же с опаской посмотрел – нет, она не обиделась. – За это после. За твои первые цветы!

Она глянула на розы, на него и порывисто чмокнула. Они чокнулись и выпили.

– Ну, что дальше? – сказала она, глядя смеющимися глазами.

Майкл слегка стушевался.

– Ммм... – Взгляд его упал на приемник. – Давай потанцуем?

– Давай, только я плохо...

– Уж этому я тебя научу! – даже обрадовался Майкл и включил «Филипс».

Приветливо зажегся зеленый глазок индикатора, и из приемника послышалась речь: диктор что-то вещал по-каталонски. Майкл поползал по диапазонам. Кажется, весь эфир был забит одним буйным рок-н-роллом. И наконец Пресли:

...Love me tender, love me true, all my dreams fulfill.

For, my darlin', I love you and I always will...

Майкл целомудренно взял Линду за талию и, насколько позволяло пространство номера, повел. Трепетная талия послушно подчинялась малейшему нажиму его руки. Майкл наклонился к ее уху и к голосу Элвиса присоединил свой:

Love me tender, love me long, take me to your heart.
For it's there that I belong and we'll never part...

Ему показалось, что Линда слегка подрагивает, как это случалось с некоторыми девочками, когда он танцевал. Песня закончилась.

– А говорила – не умеешь, – сказал Майкл, продолжая держать ее.

– Правда не умею, – улыбнулась она.

– Может, еще потанцуем?

Она посмотрела на него:

– Ты меня боишься?

Майкл категорически мотнул головой. Глаза Линды смеялись – не то иронично, не то весело. Майкл отвел взгляд и признался:

– Немножко. Но не тебя.

– Я тебе помогу, – сказала она и повернулась к нему спиной.

Поколебавшись, Майкл осторожно поцеловал ее в шею.

– Ну вот, а говоришь – ничего не умеешь. Теперь расстег-

ни мне платье.

Подрагивающими пальцами Майкл опустил молнию и уставился на ее оголившуюся спину, перехваченную узенькими планками лифчика.

– Ну?

– Что?

– Помоги мне снять.

Он стал освобождать от платья ее плечи.

– Не так, не так! Вверх, через голову снимай.

Майкл подхватил подол и бережно снял с нее платье. Под ним оказалась нижняя юбка, которой там, в кафе, не было. Расстегнув на юбке молнию, он хотел, как и платье, снять через голову. Она сдернула юбку и переступила через нее. Взгляд его скользнул по ее бедрам и вперился в тугие округлые ягодицы, подчеркнутые узенькими трусиками.

– Долго собираешься глазеть? – сказала она как бы сердясь. – Бюстгалтер!

Майкл завозился с застежкой. Быстрым движением она расстегнула сбросила лифчик, повернулась к Майклу и слегка встряхнула торчком стоящие груди.

– Нравится?

Майкл набрал воздух и выдохнул:

– Оо-о!

– Можешь поцеловать их.

Он ткнулся губами и почувствовав, как ее грудь спружинала.

– Смелей! – подбодрила она. – Помнишь, как у мамки со-сал?

Майкл нервно хихикнул, тщетно пытаясь унять дрожь.

– Для начала неплохо, – прервала урок Линда и отошла к кровати.

Она сдернула покрывало, присела на край и начала стягивать чулок. Майкл смотрел. Поймав его взгляд, Линда вдруг застеснялась.

– Не видел, как женщина снимает чулки? – со смущенным смешком сказала она. – Американки чулки не носят?

Майкл не нашелся и глупо хихикнул, продолжая поедать глазами ее ноги. Сняв второй чулок, она откинулась на локоть и выжидательно посмотрела.

– Что? – сказал Майкл, прекрасно понимая, что решающий момент наступает.

– Я тебя одетым к себе не пущу.

– Ты тоже еще не разделась?..

Каким-то акробатическим манером Линда сдернула с себя трусики и, скрестив ноги, приняла прежнюю позу. В ответ, Майкл стащил с себя фланелевку.

– Мне больше снимать нечего, – насмешливо сказала она.

Майкл стянул тельную рубашу и, постояв в нерешительности, присел и принялся расшнуровывать ботинки, со стыдом думая, как он предстанет перед ней голым.

– Тебе помочь? – с издевкой осведомилась она.

Он глянул на нее через плечо и решительно сказал:

– Слушай! Не возражаешь, если я выключу эту чертову лампу?

– Выключи, – сказала она просто.

Майкл подошел выключил лампу. Настала полная темнота, но снимая брюки, он все-таки повернулся к Линде спиной.

– Ты где там? – смеясь спросила она.

– Тут. Раздеваюсь.

Выждав секунду-другую, она спросила:

– Ну, все?

– Угу.

– Иди сюда.

– Куда?

– В постель.

Момент настал. Он решительно повернулся к постели, тут же больно ударившись о банкетку, чертыхнулся и отшвырнул ее ногой.

– Ты жив?

– Чертова банкетка!

Свет из коридора все-таки проникал через старую дверь, и теперь, когда глаза привыкли, Майкл стал различать очертания Линды. Она сидела на кровати. Он шагнул к ней. Она поднялась навстречу, скользнув по нему грудью, и тут же он почувствовал ее ладошку, в то время как пальцы другой руки коснулись и нежно пробежались. Это первое прикосновение женщины было жутко приятно, но как-то стыдно. Он что-то

промычал, отводя ее руку, и только тут понял, что она всего-навсего надевала ему шапо. От своей недогадливости он смутился еще больше.

– Ну? Иди ко мне. – прошептала она и мягко опрокинулась с ним на постель.

Он неумело тыкнулся, она помогла – и пьянящая сладость разлилась по телу, шибанув в голову. Это ощущение первой близости с женщиной с такой силой уже не повторится – но и не забудется во всю его жизнь. «Я мужчина!» – ликова- ла мысль.

– Не спеши, не спеши, – ласково шепнула она. – Слушай мое тело. – И, взяв его за ягодицы, стала надавливать пальцами.

Майкл прикрыл глаза и закачался с ней в такт. Пальцы ее давили все сильнее, чаще, нечто похожее на стон вырвалось у нее. Он открыл глаза. Ее глаза были закрыты, рот кривился в какой-то болезненной гримасе. Она опять застонала. О том, что женщины от страсти кричат, он знал еще в школе. Но Линда не кричала, а постанывала, как стонут раненые в фильмах про войну.

– Тебе не больно? – на всякий случай осведомился он.

Она не отвечала, только хватала воздух, будто заканчивает стометровку. Как вдруг ее ногти впились ему в ягодицы, глаза широко раскрылись, остекленело глядя, она выгнулась дугой, на мгновенье замерла – и обмякла, снова прикрыв глаза. Майкл глядел на нее, растерянный, не зная, что ему сле-

дует делать, и боялся шевельнуться.

Наконец она открыла глаза, улыбнулись и что-то беззвучно прошептала. Он хотел спросить что, но она порывисто притянула его голову, и он ощутил ее влажный горячий рот, обхвативший его губы.

Следом она перевернулась и села на него. Мысли, треволения, страхи – все отлетело, уступив место неизведанному им еще наслаждению, словно он погрузился в нирвану, но не бесстрастную, а сладостную. Кажется, он закричал, или закричало внутри. Он открыл глаза. Линда сидела на нем и улыбалась.

– Понравилось?

Вместо ответа он улыбнулся и прикрыл веки.

– Понравилось, – сказала она с довольной улыбкой.

Как же ему хотелось спросить: а ей? Как хотелось знать, что она думает о нем – уж она-то в этом разбиралась! Но задать вопрос прямо он стыдился и спросил как бы шутя:

– Ну, ты считаешь – ты сделала из меня мужчину?

Она тихо засмеялась, легла на него, и он опять ощутил ее губы.

– Ты мой первый мужчина, – прошептала она.

Майкл хихикнул. Она резко отстранилась, соскользнула и откинулась на подушку.

– Что? – встревожился он.

Она криво усмехнулась:

– Просто забылась и забыла, кто я.

– Ничего подобного! – возмутился он. – Я засмеялся – ты пошутила над моей неопытностью, и я засмеялся, над собой засмеялся. Как ты могла так подумать...

– Правда?

– Даже обидно! – продолжал обижаться он. – Ты, ты моя любимая. Я в тебя влюбился – я ни в кого так не влюблялся, а теперь понимаю – и вообще не влюблялся. По-настоящему.

Линда повернула к нему голову и пытливо поглядела:

– Правда? Мне сроду таких слов не говорили. – Она коротко вздохнула. – А я никак не влюблялась: ни по-настоящему, ни по-ненастоящему. И я не шучу, что ты мой первый. Правда! По-настоящему – ты, с тобой сейчас...

– Правда? – просиял Майкл.

Она приподнялась и снова поцеловала его в губы. И они опять поцеловались. И еще...

*

На подходе к Венеции Майкл заступил вахтенным на концах, в чьи обязанности входило подавать причальный канат на шлюпки и бросать спасательный круг, если кого-то угрождает искупаться. О лучшем в его положении и мечтать не приходилось. С борта, пока шли Гранд-каналом, он мог видеть едва ли не все знаменитые палаццо и церкви (по списку маман для Венеции). Красивейшие здания торчали прямо из воды. Из окон что-то кричали, приветственно маха-

ли, он им махал в ответ, но думал о Барселоне. В каком-то смысле Гранд-канал для Венеции был тем же, что бульвар Ла Рамбла для Барселоны. Где-то тут свой Баррио-Чино, куда сейчас намыливается Мартинес поставить пистон-другой очередной монсеррат. Майклу после самоволки в Барселоне сход на берег не светил. Да и не особо тянуло. Неплохо побывать во Дворце Дожей, в соборе Сан-Марко, посмотреть в галерее Академии Тициана и Веронезе – о чем тоже писала маман. Ну, отслужит, приедет сюда с Линдой, и они будут ходить-бродить, кататься на гондоле...

Крейсер стал на якорь в полусотни ярдов от площади Сан-Марко. Все свободные от вахты высыпали наверх. Саму площадь и собор с борта видно не было: все заслоняли галереи и Дворец Дожей. Майкл довольствовался созерцанием колокольни, и образ города сложился здесь. Впоследствии при слове Венеция, мысленному взору представлялась именно колокольня Сан-Марко. Шпиль колокольни увенчивал отсвечивающий позолотой ангел-флюгер, а ниже Майкл увидел в бинокль людей, толпившихся в проемах аркадной лоджии. Здорово туда залезть! Наверно, такой вид... Что говорить, Венеция красива. Но Барселона... Там она. А сюда они обязательно с ней приедут. Полезут на колокольню, а по пути будут целоваться, целоваться... Какие ж у нее сладкие губы!

Мечты прервал голос Мартинеса:

– Послушал бы меня в Барселоне – сошли сейчас вместе. Надраенный, отутюженный, наодеколоненный, Тони схо-

дил к дежурному катеру, что доставлял увольняемых на берег. Катер отвалил. Майкл улыбался вслед: да ни за какие дворцы, ни за какого Тициана, ни за каких цыпочек Венеции – за все золото мира он не променял бы ту ночь в скромном отеле на бульваре Рамбла.

В ту ночь они так и не уснули. В ту ночь они не были клиентом и проституткой, но влюбленными. И Линда в этом была так же неопытна, как Майкл. Той ночью оба впервые учились любить. И потребность в этом была у нее, может быть, больше, чем у него.

Отца Линда не знала. У нее было три старших сестры, а потом родились еще две; все девочки от разных отцов, но носили одну фамилию – Бартье. Мать работала в портовом бистро и, видно, была недурна собой. Когда очередной «муж» бросал ее, она приводила другого, объявляя детям: «Вот ваш новый папаша». После шестой девочки мать больше не рожала, но «папаши» не переводились. Последний, кого Линда знала, изнасиловал ее. Линда пожаловалась матери. Та разъярилась: нечего задницей вертеть! Сука не захочет – кобель не вскочит. «Немчура проклятая! – дубася Линду, кричала мать. – Гестаповское отродье!» Из чего Линда заключила, что мать прижила ее с немцем во время оккупации, а может, и со зла сказала. Избив дочь до полусмерти, мать сунула ей сотню франков и выгнала из дому, предупредив, что прибьет окончательно, если та вздумает вернуться. Линда не вернулась. Пыталась найти работу в Париже, но стоило

куда-то устроиться, как тут же ее начинали домогаться.

– Я не вертела задницей, веришь? – Она повернула к Майклу голову и посмотрела ему в глаза. – Бог такой наградил, что мужики льнут как мухи к меду. Разве я виновата?

Не сумев найти, как выразилась Линда, «честную» работу, она решила, что раз уж Бог наградил ее таким медовым задом, то лучше она будет продавать свой мед, чем торговать в овощной лавке и еще бесплатно спать с хозяином. В Париже она не удержалась, уехала в Тулон, в портовом городе она ориентировалась лучше. Но везде конкуренция, товарки не любили ее и всячески выживали, а то и били. То же было и в Марселе. Один моряк с испанского торгового судна взял ее в Барселону. Так она оказалась в Баррио-Чино. Тут ей пришлось еще хуже, пока она не встретила Уго. Он взял ее к себе и заботится о ней прямо как старший брат. Учил испанскому и каталонскому, следил за ее здоровьем и не всякому встречному ее предлагал. Она улыбнулась:

– Твоему другу он меня не доверил.

– Но ты ведь с ним спишь? – взревновал Майкл.

Она засмеялась.

– Уго пэдэ.

Рассказанное Линдой невероятно подействовало на Майкла. Он проникся к ней такой жалостью и нежностью, что готов был сделать ей предложение не слезая с постели. Что удержало, так это отсутствие обручального кольца, и он отложил предложение до утра.

Отель они покинули едва начинало светать. Перед этим по русскому обычаю присели, как объяснил ей Майкл, на добрую дорогу. Подойдя к двери, Линда дала ему поддержать розы, приподняла юбку и поправила на чулке шов. Пройдут годы, сотрутся черты ее лица, но эту ногу в чулке со стрелкой память Майкла сфотографировала навсегда.

Они пересекли еще пустынный в этот час бульвар и пошли в сторону порта. Она держала его под руку, прижимаясь к его плечу и прислонив голову. Часто-часто стучали ее каблучки. Она шла не размашисто, как вчера, а короткими шажками – два на один его. В этом было что-то послушное и трогательное, наполнявшее Майкла нежностью и ощущением себя мужчиной.

– У тебя есть время? – спросила Линда. – Я бы выпила кофе.

– Навалом, – усмехнулся Майкл и, встретив ее взгляд, заверил: – Есть! Есть!

Они свернули с Рамбла в какой-то проход и вышли на площадь, заключенную в каре средневековых домов с колонадами галерей в первом этаже и с фонтаном в центре.

– Это Пласа Реаль, – сказала Линда. – Красивая, правда? Майкл отчужденным взглядом окинул площадь. Там и сям лежали бездомные; по-хозяйски расхаживали голуби, нехотя вспархивая прямо из-под ног; владельцы мели тротуар перед своими лавочками и кафе, протирали стекла, расставляли столики... В другом состоянии, колорит площади

безусловно бы впечатлил Майкла. Он непременно бы подошел к фонтану и уж конечно обратил внимание на фонари работы Гауди, которые упоминала в письме маман. Но сейчас все мысли и эмоции сфокусировались на ней, на его девочке, его женщине, его любимой, и Майкл буквально физически ощущал, как тикает внутри него время, секунда за секундой утекая и приближая разлуку.

Линда привела его в уже открывшуюся кофейню. Ей он взял кофе с пирожными, а себе омлет с беконом. Сев против нее, он вглядывался и вглядывался в ее прелестное, нежное без косметики лицо, с кругами под глазами и вспухшими губами. Она кивком спросила.

– Губы нацеловала, – улыбнулся Майкл.

– А ты – нет? – засмеялась она. – О, у тебя кровь! Я нечаянно, прости... – Она привстала, перегнулась через стол и слизнула кровь с его губы. И тут же они поцеловались.

Принесли кофе и омлет. Майкл глядел, как Линда отламывает пирожное и, слизнув с ложечки, запивает глоточком кофе, и умиленно улыбался.

– Ешь, остынет, – смутилась она.

Он взялся за омлет, ел жадно, но не чувствуя вкуса, и то и дело вскидывал глаза на Линду. Он уже изучил ее лицо до последней черточки, ее гримаски, и, кажется, не было для него сейчас никого ближе ее. Мелькнула шальная мысль: встать и бежать. Увезти ее с собой куда-нибудь во Францию, затеряться в глуши, сменить фамилию...

В эту минуту он увидел, что в кофейню входит полицейский. Взгляды их встретились, и Майкл похолодел: «Это за мной». Он невольно пригнулся и, уткнув глаза в сковородку, принялся сгребать остатки омлета. Как глупо! Сейчас на него наденут наручники, а он не успел сказать ей самого главного. Идиот! Боковым зрением он видел, что полицейский остановился возле них и что-то сказал по-каталонски. Майкл вскинул глаза. Полицейский еще что-то сказал, улыбнулся и направился к стойке. Линда зарделась.

– Что он сказал? – тревожно спросил Майкл.

Линда смущенно улыбнулась:

– Что девушка такая же красивая, как и розы.

За ночь розы распустились и теперь нагло красовались в банке с водой, что Линда попросила в кофейне. Линда хихикнула:

– Представляешь, он меня не узнал!

Майкл воровато оглянулся. Полицейский покупал сигареты.

– Чего ты испугался? – удивилась Линда.

– Я? А чего мне пугаться, – хмыкнул он, продолжая скрести сковородку.

– Ты не наелся? – участливо сказала она. – Я еще принесу.

Омлет?

– Нет-нет, сиди. Остатки сладки. Спасибо.

Полицейский снова подошел к их столику. Из того, что тот сказал, Майкл уловил «*americanos*» и понял, что американцы

его разыскивают. И тут же увидел протянутую к нему руку. Бросив на Линду отчаянный взгляд, Майкл встал, вышел из-за стола и подал полицейскому обе руки, ладонями вниз. Тот слегка озадачился и пожал Майклу обе.

– *Americanos good!*» – сказал он, встряхивая руки Майкла, улыбнулся и ушел.

Майкл в растерянности глядел вслед.

– Что он сказал? – обескураженно спросил Майкл.

– Что американцы хорошие парни, – улыбнулась Линда.

– Нет, перед этим? Что-то «*americanos*»...

– Он пожелал американцам счастливого плавания.

Майкл сел и улыбнулся: значит, о нем еще не заявили.

Линда спросила со смешком:

– А что ты ему две руки подал? Так смешно!

Майкл засмеялся:

– Я решил, он хочет надеть на меня наручники.

– Наручники? – хихикнула она. – Что ты натворил?

– Не вернулся на корабль.

– О Небо! Из-за меня? А когда надо было?

– Вчера.

– Боже мой. – Она затолкала в рот остатки пирожного и встала. – Скорей пойдём!

– Допью кофе. Сейчас уже не имеет значения.

История с полицейским и омлет с беконом заметно улучшили ему настроение, и, когда они вышли из кафе, он предложил обойти площадь. Обнявшись, они прошли галереями

по периметру и остановились у фонтана. Скульптурная группа из трех женских фигур как бы укрывалась под чашей куда падает вода, как в перевернутый зонт.

– Фонтан «Три грации», – сказала Линда.

– Четыре, – поправил Майкл.

– Три – где ты видишь четыре? – изумилась она.

– Четвертая – вот! – указал он на нее. – И самая грациозная.

Линда польщенно отмахнулась. Они снова обнялись и пошли к выходу. Проходя мимо какого-то здания, она сказала, что это отель, куда она хотела его привести.

– Тебе не понравилось в «Ориенте»? – обиженно сказал он.

– О, что ты! Очень!

Через несколько шагов он снял руку с ее плеча и спросил:

– И часто ты бываешь в этом отеле?

Она покраснела и чуть не заплакала.

– Я здесь жила, пока Уго меня не подобрал. А теперь я живу с Монсеррат, мы вместе снимаем комнату. – И резко добавила: – И никого туда не водим, успокойся.

– Нет, я просто... – оправдываясь, пробормотал он и снова обнял ее.

В обнимку они вышли на Рамбла и пошли в сторону порта. На бульваре уже всю кипела жизнь. Линда что-то показывала, Майкл рассеянно кивал, угукал, не в состоянии отделаться от мысли, что вот сейчас они расстанутся, и че-

рез какой-нибудь час она будет раздеваться перед другим. И не он, а тот другой будет зырить на ее голые ляжки повыше чулок, а потом... Нет, сейчас же купить кольцо и сделать предложение! Лотки и лавчонки с местной бижутерией на каждом шагу, но ничего с ювелиркой. Он глянул на часы. Ни к утренней приборке, ни к завтраку он уже не успевал – разве что к поднятию флага.

– Что ты ищешь? – спросила Линда.

Майкл хотел ответить, но что-то удерживало. Сомнение, что готов так круто изменить жизнь, еще не начав, не нагулявшись, не пожив студенческой жизнью. Про университет забудь, какая киношкола, когда придется работать. Утром – на работу, вечером – с работы, на работу, с работы. В кино – по уикендам. Как зритель. Или на студию коробки с пленкой подносить и глядеть, как снимают другие. А она? Что будет делать она, без языка? А там ребенок, вообще жизни не будет. Нет-нет, нет, еще не время.

Майкл поглядел на Линду. Она жалобно улыбнулась, словно прочла его мысли. У него комок подступил к горлу. Сейчас они расстанутся, и он ее больше не увидит. Никогда. Он всегда мечтал именно о такой, но и представить не мог, что может быть так хорошо. Встретил! И что же? Вот так взять и потерять? Такой больше нету, а другая – другая ему не нужна, какая б ни была. Ему нужна она, его малышка...

В таком душевном раздрае Майкл не заметил, как они дошли до Колумба, свернули на набережную, и вот уже пока-

залась «коробка», с бортовым номером «148», и толпа зевак, собравшихся поглазеть на подъем флага.

Вахтенным у сходни стоял знакомый матрос. При виде Майкла и девушки, он вылупился, больше на Линду, даже рот приоткрыл, и Майкл посоветовал:

– Close your jaws and keep watch!

К его удивлению, вахтенный не ослабил, не ответил скабрзностью, а сообщил, что Ивлевым интересуется вахтенный офицер.

– Что он сказал? – настороженно спросила Линда.

– Что по мне соскучились, – усмехнулся Майкл. – А я по тебе уже скучаю.

Несколько секунд они молча глядели друг на друга. Вдруг слезы покатались по ее щекам. Она порывисто обняла его, и они поцеловались. Поцелуй не был страстным, как ночью, но сладким и вместе горьким. Прощальным.

– Ну что ты, ну что ты... – вытирая ей слезы, сам чуть не плача, бормотал он.

Губы их опять встретились, и они так стояли, пока он усилием не оторвал ее от себя.

– Ну... Э-э...

– Мне никогда не будет так хорошо... – горячо зашептала она.

– Будет! – заверил Майкл и выпалил: – Отслужу, женюсь на тебе и увезу в Америку.

Она криво улыбнулась, и он стал перед ней на колени:

– Линда Барбье! Ты выйдешь за меня замуж?

Слезы буквально хлынули у нее.

– Кольцо я пришлю. Какой размер? Так да или нет?

Она опустила на коленки и поцеловала его. Окружающие захлопали.

– Вот что, Линди... – встав и подняв ее, деловито начал он – ... Чем записать есть?

У нее не было, он спросил у окружающих, и ему протянули сразу несколько ручек. Взяв у кого-то, он написал на сигаретной пачке почтовый ящик «Newport News» и на тот случай, если его переведут на другой корабль или в тюрьму, адрес родителей. На обороте записал и оторвал ее адрес, остальное, присовокупив пачку денег, вложил ей в сумочку.

– Ты ж мне отдал! – смутившись, запротестовала она.

– Те деньги отдашь Уго, – напористо заговорил он, – а на эти будешь жить. Поняла? На первое время хватит. Скажи ему: с сегодняшнего дня ты у него не работаешь. Теперь ты моя невеста – не будешь же ты опять, ну...

Линда вспыхнула. В это время горнисты заиграли первый сигнал к подъему флага.

– Все, мне надо бежать. – И захлебываясь скороговоркой, он договорил: – Открой в банке счет и сообщи, я буду переводить тебе довольствие. А получу отпуск – поженимся, я не буду ждать конца службы. Поняла? Не потеряй адреса, сразу перепиши. И скажи Уго сегодня же. Обещаешь? Сегодня же.

Она кивнула. Он глянул на палубу, где готовились к построению и взял ее за плечи.

– Ну...

Секунду-другую они смотрели друг на друга. Губы ее искривились, она всхлипнула, обхватила его шею, они в последний раз поцеловались – коротко, надрывно, он оторвался от нее и, не оглядываясь, рванул к сходням. Вахтенный полюбопытничал, а где же кольцо, Майкл отмахнулся и взбежал на борт.

– Матрос! – рявкнул кто-то за спиной.

Это был заступивший вахтенный офицер. Майкл вытянулся:

– Есть, сэр! – И хотел доложить, что прибыл из увольнения, но не успел.

– Не слышал, какая форма объявлена?!

– Выстирал, сэр! Не высохла, сэр!

– Не размокнешь! Переодеться – и в строй!

– Есть, сэр! – Майкл повернулся кругом, на миг шагнул к лееру и глянул вниз.

Линда подошла ближе к борту и, прижимая к груди розы и сумку, стояла запрокинув голову. Увидев его, она помахала букетом, другой рукой размазывая слезы.

Комок подкатил к горлу. Майкл ответно взмахнул, мысленно сделал самый-самый последний снимок ее заплаканного лица и, подгоняемый рыком вахтенного офицера, пропустил в кубрик, на ходу раздеваясь.

Дневальный набросился с вопросами, но Майклу было не до ответов, да он и не знал, не решил еще, что отвечать. Натянув объявленную на сегодня форму, на ходу оправаляя, он кинулся на палубу. Экипаж уже выстроился, и едва он втокнулся на свое место, как прозвучала команда. «Смирно!» Доклад старпома, приветствие командира доходили до Майкла будто сквозь сон. Сомнамбулически прогавкав ответное приветствие, он не мог дожидаться, когда же, черт побери, все закончится, и он в последний разок взглянет на нее. Наконец строй распустили, он бросился к лееру, но Линды на прежнем месте не было. В эту минуту подошел старшина отделения и потребовал объяснений.

– Был пьян, сэр! – отвечал Майкл, тогда как глаза его шарили по причалу.

– Так пьян, что не мог дойти до коробки?

– Так точно, сэр!

Толпа быстро редела. Линды не было.

– Смотри на меня! – взъярился старшина.

– Есть, сэр!

– И где ж ты, сукин сын, ночевал?

– Не помню, сэр!

– Где проснулся тоже не помнишь?

– Так точно, сэр! Ничего не помню, сэр!

– Знаешь, Ивлев, если тебя спишут, я сожалеть не буду.

Опозорить отделение перед новым командиром! Дивизион! Флагман 6-го Флота! Все военно-морские силы США...

– Виноват, сэр!

Выпустив пар, старшина на миг иссяк. Майкл обвел взглядом причал. Никого, кроме вахтенного у сходни, уже не было.

– Что ты там ищешь?

– Вчерашний день, сэр!

– Очень смешно. Скоро тебе будет не до шуточек. Вахтенному офицеру доложил?

– Никак нет, сэр! Не успел, сэр!

– Доложить! Сейчас же!

– Есть, сэр! – Майкл повернулся кругом и пошел искать вахтенного офицера.

Тот был в замоте и не сразу включился, когда Майкл доложил, что матрос Иевлев из увольнения прибыл. Офицер тупо посмотрел:

– Ивлев?.. О-о! А зачем врал про форму? Марш в дивизион, разбираться будем позже.

К кубрику Майкл подходил с неприятным чувством. Ребята его любили, но ему сейчас было не до их приколов, пусть и самых дружеских. Оказалось хуже. Была суббота, и, как и обычно, с построения все вернулись в кубрик. Кто собирался на берег, кто в спортзал, кто к телевизору, все шумно разговаривали, но когда он вошел, разом смолкли и старательно делали вид, что заняты своими делами. Один Тони тихонько спросил, что вахтенный...

– Будут разбираться, – бросил Майкл.

– Слушай, а куда ты вчера делся? – заговорил Тони на публику. – Старшина сказал, ты хорошо за якорь залил? – И подмигнул, давая понять, что он никому ни слова. – Чего пил?

– А, все подряд, – отмахнулся Майкл и полез в свой рундук за бумагой.

– А я тебе завтрак притаранил...

Майкл мотнул головой:

– Хочу успеть родителям написать. Спасибо. – Он в самом деле хотел написать, но не родителям, а ей. И с кем-то, кто сходит на берег, не из своих, передать, чтоб отправили.

Между тем разговоры возобновились, но как-то странно – сдержанно, вполголоса, как в комнате, где лежит тяжело больной. Даже и не больной, а покойник, и все в ожидании, когда тело наконец вынесут. Письмо Линде не писалось, и он через силу черкнул домой, что возможно у него изменится адрес, и, если придут письма – подождать, не пересылать.

Постепенно все разошлись, дневальный ушел курить, и они с Тони остались одни.

– Ребята за тебя переживают, боятся – спишут с коробки, – сказал Тони.

Майкл сам больше всего боялся именно этого, потому что служить на «Newport News» было не просто почетно, престижно и все такое – а здорово!

– На, рубай, – сказал Тони, доставая из рундука и ставя перед Майклом завтрак.

– Правда, Тони, не хочу. Спасибо. Срубай сам. Мы в кафе

позавтракали.

– С ней? А знаешь, что они с Монсеррат одну комнату снимают?

– Ну.

– Что – ну? – ухмыльнулся Мартинес и сально подмигнул. – Как она вообще?

– Я тебе вчера сказал, – сдерживаясь, напомнил Майкл.

– Нет, ну а после? В отеле?

– Слушай, я тебя спрашиваю, как ты свою жену факал?

– Ха! Могу рассказать, если интересно.

– А я – не могу, – отрезал Майкл, может быть, более резко, чем хотел.

– Ты чего? – обиженно посмотрел Тони.

– Что ты вяжешься, отвали от меня! – сорвался Майкл, понимая, что Тони никак такого обращения не заслужил, но уже не в силах сдержаться. – И забирай свой факин завтрак!

– Засунь себе в жопу, фак! – озлился Мартинес и вышел.

Чтоб уж совсем не обижать его, Майкл затолкал в себя завтрак и почувствовал такой жор, что еле дождался ланча. В столовой их места были рядом. Он снова поблагодарил за завтрак – Тони не ответил. Попросил передать соль – Мартинес сделал вид, что не слышит.

– Я был на взводе, Мартинес, – сказал Майкл и положил ему на плечо руку. – Извини.

Тот молча сбросил его руку. Тут уже Майкл обиделся

и больше с ним не заговаривал.

К вечерней поверке вернулись увольняемые, матеря всех чертей. Оказалось, сегодня в Барселону зашел «Midway». Парням с авианосца сильно не пофартило: ни халявного вина, ни музыки, ни народного ликования. Но и тем с «NN», кто ходил сегодня и сойдет завтра, не посчастливилось: с заходом авианосца цены в городе взлетели в два раза.

Едва сыграли «отбой», Майкл вырубился, проспал до побудки и проснулся еще более влюбленным, с первой мыслью, что у него есть она, его Линди. Что она сейчас делает? Уго она уже сказала, теперь спит, отсыпается. Эх, оказаться бы на берегу, прийти застать ее тепленькую в постельке и... Нет, сперва купить кольцо. Деньги? Займет у Тони, нет, у кого-то в кубрике. Какое бы ей понравилось?.. Что-нибудь как у маман, французское. Так, он подходит к двери, звонит. Хорошо бы Монсеррат не было дома. Конечно! Воскресенье, самая работа. Так, он звонит. Ее голос: «Кто там?» Она открывает – кидается ему на шею, он подхватывает ее и несет в постель. Нет-нет, они целуются, он ее отстраняет, достает коробочку... Нет, кольцо уже в руке, он надевает ей. Какой у нее размер?.. А, как говорит маман, кольцо свой палец найдет. Надевает кольцо, подхватывает ее и несет в постель...

Тут Майкл почувствовал, что брючина в районе гульфика натянулась и начинает предательски выпирать. «Лежать!» – про себя скомандовал он. И вовремя. Он стоял на утреннем осмотре, и старшина, обходя строй, был уже за человека. Его

он оглядывал особо, но придраться не мог: тельная рубашка – белее снега, форменка отглажена, клеши отутюжены, обувка – что котовы яйца, а на лице улыбка. Последнее старшине особо не понравилось, но что поделать, и он перешел к следующему, а Майкл вернулся к мечтам.

Как он укладывает ее в постель – он отложил на после отбоя и начал с того, что они лежат уже после всего, он обнимает ее за плечи, она положила голову ему на грудь, и они говорят, говорят... Сколько он мог ей сказать – и как мало сказал! Затертое «люблю». Хотя до него ей никто не говорил, это чисто американское – твердить на каждом шагу «я тебя люблю – я тебя тоже», вроде как «привет, как дела». Отец сказал, что в России это слово произносили, может быть, раз в жизни. Но на всю жизнь. Оттого и весомо было.

После подъема флага Майкл доложил старшине, что будет в библиотеке, и помчался писать Линде, чтобы отдать кому-то, кто ходит сегодня. Сколько писем он сочинил для ребят, а тут не сочинять, а только успевай записывать, что распирает внутри.

Рука вывела: «*Ma très chère Lindy!*» – и он остановился. Кому он пишет: сестре в Нью-Йорк, «дорогая Мари», или любимой женщине? Скомкав лист, он написал заново: «*Mon amour*»... Клише! И патетично. Родители любят друг друга, но чтоб обращались: «Моя любовь», «Душа моя» – не хватало еще: «Мое маленькое пирожное с кремом». Они никогда не сюсюкали. Написать просто: «Линди!» или: «Привет,

Линди...» Вроде: «Привет, Тони». Холодно.

Помучившись еще и глянув на часы, Майкл оставил обращение на потом, представил, что они лежат с ней в обнимку – и слова обрушились на бумагу что водопад Ниагары. Рука не поспевала за нежностями, какие он бормотал. Сидевший рядом матрос оторвался от поедания Playboy и любопытно тянул шею, пытаясь прочесть.

– Душевно? – с серьезной миной спросил Майкл.

Сосед сконфуженно хмыкнул и полюбопытствовал, на каком языке тот пишет.

– Ка-ак, четыре дня стоим в Барселоне – а ты не выучил каталонский?!

Матрос окончательно сконфузился и уткнулся в журнал. Накатав без малого три страницы, Майкл глянул на часы, увидел – больше не успевает, поставил точку и подписал «Майкл». Подумал и перед «Майклом» дописал: «Твой первый девственник». Подумал еще и зачеткнул: еще примет за намек на ее прошлое занятие. Сложив листки, он уже хотел вложить их в конверт, как резануло глаз слово. Он прочел фразу и всю вычеркнул. Затем следующую. И стал черкать. Почему не выдуманное, а что шло у него изнутри, и он бы не задумываясь сказал, – почему на бумаге это превратилось в слюни и сопли? Не дочитав, он, к удовольствию соседа, перечеркал крест-никрест все листки и изорвал.

– Писал бы по-английски, не пришлось рвать, – съехидничал сосед.

Да пиши он на английском, на русском... Наверное, когда говоришь – говорит эмоция, а когда читаешь – вперед лезет слово. Он взял чистый лист, поставил дату, в центре вывел «люблю» и подписал. Главное: пусть знает, что он о ней думает, и сказанное ей им – не пустые слова. Запечатав, он кинулся на верхнюю палубу и успел сунуть конверт кому-то из последних, кто сходил на берег в Барселоне.

*

Следующим утром «Newport News» украсился флагами расцветивания. Отдали концы, оркестр грянул марш, и крейсер начал отваливать от стенки. На причале опять собралась толпа. Пока корабль разворачивался и шел к воротам порта, Майкл метался с биноклем с бака на корму, с кормы на бак – искал в толпе свою Линди. И вдруг в перекрестье поймал на миг ее лимонное платье. Или не ее и не лимонное, а увидел то, что так хотел увидеть.

Барселона удалялась. Вернулись флотские будни. Отделение занималось приборкой верхней палубы, когда прибежал рассыльный и сообщил, что Ивлева к Дону в каюту. Майкл отложил швабру. Его участливо обступили, понимая, что, если и увидятся, то когда его приведут собрать манатки. Даже старшина подошел. Один Мартинес показывал, что ему плевать, и продолжал швабрить.

– Не дрейфь! – подбадривали ребята.

– Что будет, то будет, – бодрился Майкл, пожимая руки. Старшина увидел, что к ним спешит вахтенный офицер, и прервал прощание:

– Всем по местам! Работать! Ивлев, шевелись! Дождешь, что конвойных вызовут.

Вахтенный офицер так запыхался, что едва смог выговорить:

– Матрос Ивлев ушел к командиру?

Майкл вытянулся.

– Никак нет, сэр! Иду, сэр!

– Какого дьявола... Не «иду», а бего-о-м!!!

Майкл побежал – но не к командиру, а в курилку. Надо было унять мандраж и собрать в кучу мысли. Что самоволка с рук не сойдет – он не сомневался, но что им, младшим матросом, салагой, лично займется сам командующий 6-м Флотом – это ту мач.

О Доне были наслышаны задолго до того, как вертолет с вице-адмиралом опустился на палубу «NN». Официально было известно, что во Вторую мировую и после Харри Фелт занимался морской авиацией, а последнюю пару лет работал в Пентагоне. Неофициально – что своенравен, придиричив и груб. Независимо от должности и звания мог взять кого-то за грудки и трясти, пока душу не вытрясет, и пентагоновские офицеры заранее накладывали в штаны, узнав, что Дон желает их видеть. Откуда слухи брались – хороший вопрос. Но было замечено, что корабельные крысы стали вести

себя странно, не иначе как готовились свалить с крейсера, а тараканы – так вовсе исчезли.

Майклу этот Дон рисовался этакой гориллой, Кинг-Конгом в вице-адмиральском мундире. Как же он удивился, когда на ритуале вступления в командование кораблем, он увидел невысокого человечка, который, однако, сумел нагнать такого страху, что все носились как наскипедаренные.

Выкурив подряд две сигареты, но так и не уняв мандраж, Майкл двинул к капитанской каюте. Легко сказать, «не дрейфь», а... А чего дрейфить? В тюрьму – это вряд ли, не война, скорей на губу... И даже спишут с «NN» – флотскую карьеру ему не делать, а за ту ночь он не то что на губу – на Голгофу пошел бы! Не объяснишь же... А, сказать, что уже говорил: был пьян, каталонцы народ гостеприимный – не хотел обижать.

Капитанская каюта приближалась, и он замедлил шаг. Хотел с ходу постучать, но в последний момент рука остановилась. Да что он, в конце-то концов! Он оправил форму, принял молодеватый вид и постучал. Резкий голос за дверью ответил: «Come in!» Майкл набрал полную грудь воздуха и вошел. Дон что-то писал. Майкл вытянулся и чуть было с порога не ляпнул «был пьян, сэр», даже в виски ударило, но спохватился и доложил по форме. Дон дописал и поднял глаза.

На построениях их отделение стояло далеко, и сейчас Майкл мог рассмотреть лицо у нового командира. Оно было

скорее располагающим, если б не узкие, будто поджатые губы, придававшие некую мефистофельскую насмешливость. Командир в свою очередь разглядывал его, и казалось, целую вечность. Наконец сказал:

– Садись, Иевлев.

Майкл даже не понял, что с ним заговорили по-русски.

– You have a Slavic last name. I thought maybe you spoke Russian, – объяснил Дон и указал на стул против себя. – Take a sit.

– I did, sir, I do! Я говорю!

Дон улыбнулся:

– Йа гаварил рюски немношко, но забил.

– Во всяком случае, я вас понимаю.

Дон снова улыбнулся:

– Спасибо. Йа бил Москва в наша воени мисийа в сорок четире год...

У Майкла мелькнула мысль, что из страха перед Доном, чепе решили замять, а тому попалась русская фамилия, и он захотел освежить свой русский – просто совпало так.

– Рюски – хороши марйаки... – продолжал Дон. – Йа...

– Были! – осмелел Майкл.

– Били? Почему били? Йа стречал рюски марйаки в Ра-
сия и...

– И Россия – была! ваше высокопревосходительство. То, что сейчас – это...

– What means «ваша висо», um...

– ...высокопревосходительство, – подсказал Майкл. – Так обращались в России к высшим чинам до большевиков. А теперь говорят: «товарищ».

– Да, да! – улыбнулся Дон. – «Товариш».

– А потом пришли «товарищи» и все отняли: чины, заслуги перед Отечеством, Веру, Родину... Жизни! – словоохотливо продолжал Майкл, начав надеяться, что пронесет, и все больше воодушевляясь. – Миллионы убили, уморили, сгноили в лагерях. России не стало...

– Яа сам ненавижю камйюнизм, – вставил Дон.

– А кому, кроме них самих, может нравиться концлагерь в одну шестую часть света. А последние русские моряки ушли из Крыма еще в 20-м году, и с ними мой отец...

– Он бил морйак?

– И дед, и... Все Иевлевы были офицерами Императорского Флота, воспитанниками Морского корпуса в Санкт-Петербурге – ну как наша Академия в Аннаполисе.

Дон покивал и перешел на английский:

– Я встречал одного русского, князя Шёрбатова, он учился в Морском корпусе, а в Америке стал офицером Navy и сопровождал президента Рузвельта на Ялтинскую конференцию в 1945 году. Ну, и ты решил продолжить семейную традицию?

– Так точно, сэр! – в свою очередь перешел на английский Майкл. – Но не флотскую. – И принялся рассказывать, что в Белой армии отцу поручили аэрофотосъемку по-

зиций красных, и так у него пошло в эмиграции: во Франции стал ассистентом оператора, в Америке режиссером документального кино...

Временами их прерывали: то явился с докладом старпом, то сам Дон останавливал, прислушивался к тому, что транслируется с ходового мостика. Затем Майкл с упоением продолжал, но уже не из желания заговорить зубы, а оттого что Дон умел слушать, и ему хотелось рассказывать.

Отбили рынду – полдень.

– Твой отец тоже Иевлев? – спросил капитан, как бы ставя точку в рассказе Майкла.

– Это я – «тоже», сэр! – улыбнулся Майкл, радуясь, что все обошлось.

– Ну что ж, передумаешь, решишь связать жизнь с морем – дай знать, – сказал Дон, как бы заключая встречу. – Я напишу тебе рекомендацию в Академию.

Майкл смутился.

– ...Несмотря на твой серьезный проступок.

Майкл покраснел, как, наверное, никогда не краснел ни до, ни после.

– Рассказывай, что с тобой приключилось.

Первое, что чуть не сорвалось с языка: «Был пьян, сэр!», но так и застряло в горле. Нет, не мог он так ответить этому человек, уже не мог.

– Влюбился, сэр! – выпалил Майкл и смело поднял на командира глаза. – Встретил на берегу девушку и влюбился.

Дон покивал и спросил, без тени иронии:

– Такой влюбчивый?

– Я бы не сказал, сэр, – качнул головой Майкл. – Мне нравились девочки, но... Она удивительная, сэр! Она... Ее зовут Линда, Линда Барбье. Она француженка. Родилась во время оккупации... – И неожиданно для себя, выложил Дону все, опустив лишь интимные подробности и участие Мартинеса, но не скрыл, что она была проституткой, но теперь его невеста, и он обязательно на ней женится.

Как он доверил этому человеку то, о чем не мог написать, во всяком случае тогда, даже ближайшему другу Патрику? Хороший вопрос. Возможно, воздействие личности Фелта. Много позже, вспоминая адмирала, Майкл придет к выводу, что такого масштаба личности он, пожалуй, не встречал.

– Я люблю ее, сэр! – заключил свой рассказ Майкл.

Дон помолчал, потом сказал как-то смущаясь:

– Моей первой женщиной была и есть – моя жена. До нее я, правда, уже был женат – на море. Я честно предупредил ее, что флот для меня всегда будет на первом месте. Я моряк, мужчина, прежде всего – долг. Она не испугалась. Уже отпраздновали серебряную... – Он улыбнулся и заговорил другим тоном: – Ценю твою откровенность, тоже буду откровенен. Я бы ограничился разговором, но, боюсь, меня не поймут, и в Венеции я недосчитаюсь половины экипажа. Матрос Иевлев!

– Да, сэр! – вскочил вытянулся Майкл.

– Месяц без берега.

– Есть, сэр! – выкрикнул Майкл, от радости едва не выпрыгнув из штанов. – Спасибо, сэр! Разрешите идти?

– Иди.

– Есть, сэр! – Майкл повернулся кругом и шагнул к двери.

– Иевлев?..

– Да, сэр? – встревожась, повернулся Майкл.

– До-о-сви-дания, – сказал Дон по-русски.

– До свидания, ваше высокопревосходительство! – сияя ответил на русском Майкл и вышел так порывисто, что чуть не снес с ног матроса, подметавшего перед каютой пол.

Матрос оказался Мартинесом, который отпросился в галюн, а сам пошел со шваброй к капитанской каюте и, делая вид, что прибирается, подждал друга.

– Ну? – взволнованно спросил Тони.

– Месяц без берега! – сияя сообщил Майкл.

И они шлепнулись на радостях пятернями.

Это был первый и последний разговор с Доном. Через месяц командующий перенес свой флаг с «Newport News» на крейсер «Salem», а еще через полгода Харри Фелта, уже в звании «полного» адмирала, вернули в Пентагон.

Каким-то образом (Майкл не мог объяснить каким) та единственная встреча с Доном повлияла на всю его последующую жизнь. Он не изменил намерения стать режиссером, но что-то, он чувствовал, в нем поменялось.

Незадолго до увольнения в запас Майкл прочел во флот-

ской газете, что адмирал Фелт назначен главнокомандующим вооруженными силами США на Тихом океане и Дальнем Востоке, а спустя еще пять лет неожиданно получил от Дона привет. Отец тогда вернулся из первой поездки во Вьетнам и с порога интригуяще сообщил:

– Тебе привет.

– От кого? – удивился Майкл.

– От Дона.

Майкл не сразу даже сообразил:

– От какого? От адмирала Фелта? Он меня помнит?

Отец снимал репортаж о пресс-конференции Фелта в Сайгоне. Когда все закончилось, и отец укладывал камеру, к нему подошел офицер.

– Извините, сэр, ваша фамилия – Иевлев? Адмирал хочет вас видеть.

Отец решил, что его попросят что-то вырезать из отснятого или в этом роде.

– У вас есть сын, господит Иевлев? – спросил Фелт, едва они познакомились.

– Да, Майкл, – удивился отец. – А в чем дело?

– Он служил на «Newport News», не так ли? Я так и подумал, когда встретил вашу фамилию в списке. Ваш сын сказал – вы потомственный моряк?

– Был. И был бы сейчас, если б не большевики.

– Я вас понимаю, – улыбнулся Фелт. – Я сам делаю все в моих силах, чтобы остановить коммунистическую чуму.

– Я тоже. Теперь мое оружие – вот... – кивнул отец на кинокамеру.

– Если эта зараза расползется, весь мир превратится в один концентрационный лагерь, как метко выразился ваш сын о России.

– О Совдепии, – поправил отец.

Они разговорились. Фелт поинтересовался отношением отца к вводу американских войск во Вьетнам. Отец выразил опасение, что они могут увязнуть. Фелт признался, что и его оптимизм вынужденный, он всячески сопротивлялся принятию этого решения. Затем Фелт поинтересовался Майклом. Отец сказал, что сын закончил киношколу и уже снял свой первый фильм. Где, между прочим, есть эпизод встречи героя с командиром крейсера вице-адмиралом Флинтом.

– В пираты меня записал? – улыбнулся Фелт, имея в виду пирата Флинта из «Острова сокровищ». – Ну, и о чем же фильм? О флоте?

– Это история о любви героя и проститутки, – начал было рассказывать отец.

– Я знаю эту историю, – остановил адмирал.

– Вы видели фильм?

– Ваш сын рассказал мне еще тогда.

Отец удивился, не без ревности заметив, что ему сын рассказал уже работая над сценарием. Фелт поинтересовался, чем все закончилось.

– Фильм? Или в реальности? – уточнил отец.

– И то, и другое.

– Расставшись с возлюбленной, герой шлет ей письма. Шлет, шлет – она не отвечает. Он пишет ее подруге, и та сообщает, что его возлюбленная – она родом из Франции...

– Помню, – вставил Фелт.

– ...возвращается на родину и просит подругу пересылать ей письма американца по адресу, который сообщит. Но так и не сообщила. Отслужив, герой пишет книгу об их любви. В Америке книга становится бестселлером, ее издают во Франции. Герой летит в Париж на презентацию книги, куда приходит она...

– Это в фильме? – уточнил Фелт.

Отец улыбнулся:

– В реальности финал не голливудский. Сын действительно написал ее подруге, та ответила, что я уже рассказал.

– Сын пытался ее разыскать?

– Уже нет.

– Как называется фильм?

– «The night of love in Husa Oriente».

– Hotel «Oriente», – уточнил Фелт.

– Барселонцы называют «Husa Oriente», как объяснил сын. И он вложил в «husa» свой смысл: это как бы внутренний дом памяти, куда та возвращает человека снова и снова.

– Обязательно закажу этот фильм, – записав, улыбнулся Фелт. – Привет ему от «Дона».

Эту первую картину Майкл снял сорок с лишком лет назад, а это первое посещение России было связано с задумкой снять свой последний фильм, как он для себя решил. В свое время отец много рассказывал о своей молодости, о Петербурге, о драматических событиях 1917 года и последовавшей Гражданской войне. Майкл подумал снять на этом материале картину и поделился с отцом. Это будет история двух гардемарин, которые, пройдя перипетии революций и войн, вынуждены покинуть Россию и находят вторую родину в Америке. Отец заметил, что товарищ его ехать в Америку не захотел, но дело не в этом. По непонятной причине он был решительно против задумки сына, мотивируя тем, что такую картину возможно снять только в России, с русскими актерами. Но России нет, и что обсуждать. Истинная ли это причина или отговорка – Майкл так и не узнал.

В последние годы жизни Андрей Иевлев начал писать книгу воспоминаний. После смерти отца Майкл обнаружил рукопись и под впечатлением прочитанного снова вернулся к мысли снять фильм. Маман поддержала его, добавив некоторые подробности, которых Майкл не знал: в частности, что товарищ отца в 30-е годы вернулся в Совдепию. Что с ним случилось дальше – неизвестно.

Майкл переговорил с продюсером и, получив одобрение,

взялся за проект. По совету маман – Аньес работала художником на «Universal», Майкл решил снимать Балтику в Сиэтле, а Петербург – в Хельсинки, где Аньес не была, но по литературе знала, что город архитектурно построен как миниатюра Петербурга.

По разным причинам Майкл работу над проектом тогда прервал. Затем, с приходом Горбачева, рухнула Берлинская стена, а с ней «железный занавес», и теперь можно было снимать Балтику на Балтике, а Санкт-Петербург в Санкт-Петербурге.

Как-то на кинофестивале в Венеции Майкл познакомился в баре с режиссером «Ленфильма» Евгением, первым русским из России, кто опроверг его представление о советских, как замкнутых, угрюмых и агрессивных. Евгений оказался милейшим человеком, а когда довольно выпили, так и вообще показалось, что знакомы давным-давно. Несколько раз они пересекались на киношных форумах, и вот сейчас Евгений организовал первый приезд Майкла в Россию, договорился с начальством Морского корпуса, чтобы Майкла приняли, и он смог все осмотреть и обговорить возможность проведения в Корпусе съемок.

В назначенный для посещения день Евгений заехал за ним в отель и повез в Корпус. Майкл не подозревал, что будет так волноваться. Знакомое по отцовским снимкам здание он узнал еще издали по цилиндрической надстройке корпусной обсерватория над главным корпусом. Сейчас над

надстройкой полоскался Андреевский флаг.

В проходной их встретила милая женщина, кажется заведующая клубом, и проводила к заместителю начальника Корпуса по учебной работе – прежде, как догадался Майкл, эта должность называлась «инспектор классов». Затем гостей провели по зданию, и Майкла не оставляло ощущение, что он уже здесь был, и он без пояснений узнавал: вот музей, вот классный коридор, Компасный зал, картинная галерея – все знакомо по рассказам отца. И наконец, знаменитый Столовый зал Корпуса, самый большой бесколонный зал Санкт-Петербурга, где в бытность отца проводили торжественные построения и проходили балы.

2

Майкл проснулся, глянул на часы – девять с четвертью! Игорек сказал – он с десяти, а к одиннадцати надо поспеть в Черемушки. Евгению – добрая душа! – удалось разыскать телефон внучки дворника Мартыновых. Их сын, Петр, был товарищем отца по Корпусу и прототипом второго гардемарина в сценарии Майкла. Позвонив договориться о встрече, Майкл с волнением услышал, что товарищ отца по возвращении в Россию репрессирован не был, как полагал отец, и женщина обещала рассказать все, что ей известно.

Сейчас история двух гардемаринов заканчивалась их прощанием в Париже, когда один отплывал в Америку. Третьим героем картины, по мысли Майкла, должна стать дружба, завязавшаяся в Морском корпусе и затем проверенная войной и борьбой с большевиками.

Теперь, возможно, весь замысел летел к чертям. О том, что товарищ отца вернулся на родину, Майкл узнал от маман, в книге об этом ни слова. Отец, очевидно, не одобрял это возвращение, считая предательством их идеалов, но, по словам маман, был уверен, что товарищ погиб в застенке или ГУЛАГе, а о мертвых либо хорошо, либо ничего. А что бы отец написал, зная, что товарищ выжил? И, допустим, встретиться они при жизни – как бы повела себя их дружба? От ответа на эти вопросы зависело, про что теперь будет

картина и будет ли вообще. Понятно, с каким нетерпением Майкл ждал встречи с этой женщиной.

Но что удивительно, первое, о чем он подумал проснувшись, – не об этой встрече, а про Игорька. Что за нужда в этом кактусе, тем более завтра они улетают, и времени в обрез? Однако больше Майкл доверялся интуиции, которая, как правило, не обманывала, и, как правило, сожалел, коли не доверился. Он разбудил сына и потащил на Арбат.

*

Хотя Евгений и предупредил, что русские не всегда хозяева своему слову, Майкл расстроился, не застав Игорька. Дино, и без того брюзжавший, заявил, что если отец намерен ждать, то он уходит. В эту минуту из дверей «Сувениров» выглянула Римма:

– Не надумали купить мундир?

– А где ваш Игорек? – вместо ответа с сердцем сказал Майкл. – Сказал – с девяти...

Римма сделала скорбное лицо, прямо похоронное, хотела ответить, но он опередил:

– Почил в бозе. Так не любит американцев?

Она засмеялась:

– Дело не в вас. Он эту церквуху возит для себя, «для настроения», как он выразился.

– О, для настроения! – заулыбался Майкл. – Занятно. За-

нятный человек. – И заглянув ей в лицо, попросил: – Римма, мне нужна ваша помощь.

– Бесполезно, – помотала она головой, – не продаст.

– Нет-нет, бог с ней, с картиной. Помогите с ним встретиться.

– С Игорьком? – удивилась она.

– Позвольте объяснить. Мой отец, он был белый офицер, он написал книгу, по которой я имел намерение снять фильм. Однако ж сейчас, будучи в Росси, я понимаю, что не смогу ограничиться книгой, а ваш Игорек, он, видите ли, меня крайне заинтересовал...

– Че-ем?! Он не историк.

– Не смогу вам сказать, сам не нахожу объяснения. Возможно... Мы в одном возрасте, и мне интересен взгляд человека, чья жизнь прошла при Советах. Он еще и ершистый?..

– Когда против шерсти. Но в данном вопросе ваши взгляды абсолютно идентичны. Хотя в отличие от вашего отца, его отец был красным офицером.

– Невероятно! – ахнул Майкл. – Просто предопределение какое-то. Послушайте, я буду премного благодарен, коли вы поможете с ним встретиться. И к слову, я почти что готов купить ваш мундир. Вы назвали двести – уступите за триста, с номером его телефона.

– Телефон ничего не даст, скажет – заболел, а он действительно вчера простыл... Если только поставите перед фактом – он сейчас в мастерской у дочери, тут рядом, за теат-

ром Вахтангова. Адреса я не знаю, зайдем ко мне – я вам нарисую.

Под сердитый взгляд сына Майкл скрылся в магазинчике и вышел уже с мундиром. А Римма, спрятав деньги, почувствовала угрызения. Позвонить?.. А, увидит в глазок.

*

Утром Ольга уехала договариваться по поводу очередной выставки, а Щербинин стал натягивать на подрамник холст. Дело деликатное: чуть перетянул – ровно не натянешь, небольшой сквозняк – холст потом под краской провиснет.

В ближайшей ко входу и самой большой комнате во всю ее длину вытянулся стол, который Щербинин смастерил, когда дочь получила эту мастерскую. Стол стоял на восьми ногах, связанных рамой из уголка, а столешница из фанерованной плиты. Стол был удобен для сборки подрамников, раскрой-ки холста и прочих габаритных работ, что делал он для дочери, а если приходили гости, за стол можно посадить хоть сорок человек.

Вогнав последнюю скобку, Щербинин осмотрел работу, остался доволен, отнес в стеллаж и пошел в угол, где была оборудована кухонька, и варились щи. Попробовав, всего ли хватает, он выключил плиту, перешел в среднюю комнату и сел за компьютер. Теперь можно заняться хобби. Хобби это появилось не так давно с подачи Риммы.

Когда-то, много-много лет назад, он попал на удлинённый киносеанс, где узнал из короткометражки, что материя может переходить в свет и наоборот. А нельзя ли тогда превратить в световой поток человека, передать, скажем, в Австралию и снова собрать? Он даже придумал фантастику, где героем был он сам, и конечно ж с ним была девочка.

Влюбляться он начал лет с пяти, и первая его любовь была заочной. В альбоме он нашел карточку парижских друзей родителей с детьми. Девочка была одних с ним лет. Он обвел карандашом ее хорошенькое личико и часто с ней разговаривал и играл. Как-то перебирая карточки, Щербинин увидел эту обводку и улыбнулся, что уже тогда имел отменный вкус. Выше всех красот мира он ценил женскую, считая женское тело вершиной творения природы ли, Господа – этот вопрос он пока не решил, но все чаще задумывался.

Итак, много-много лет спустя, когда они с Риммой выпивали по случаю удачной распродажи, он со смехом поведал ей ту свою фантастическую идею. Как же он удивился, когда Римма не только не засмеялась, а сказала, что это известно в науке как «квантовая телепортация». Ученые уже телепортировали атомы, не за горами твердые тела, а человек – вопрос времени. А вот при другом принципе телепортации, «дырочной», чем сама она и занималась до торговли, человека не придется расщеплять-собирать, а того же Игорька, со всеми его заморочками, в тот же миг можно перенести на дачу, в туманность Андромеды – не имеет значения. Надо

лишь искривить пространство.

– Пятницкое шоссе и так кривое, – улыбнулся Щербинин. – По логике вещей...

– Я с тобой серьезно, – сухо сказала Римма. – Хочешь поюморить – сменим тему.

– Школьнику известно, что прямая короче кривой. Если провести дорогу напрямую от Арбата до Жилино – пяток километров выиграешь.

– В том-то и дело: нет километров. Нет дороги. Где старт, там и финиш. На чем тебе показать... – Она придвинула афишку какого-то вернисажа и наступила пальцем на один из углов. – Вот твой Арбат. – Затем она провела ногтем по диагонали к дальнему углу. – Вот твоя дача. – И согнула афишку, совместив углы. – Все! Никуда не надо ехать.

– Потрясающе, – сказал Щербинин, не очень-то поверив. – Ну а практически?..

– А практически – будет сеть телепартационных станций...

– И мы сможем ездить на распродажу в Америку: ты со своими ложками-брошками...

– Какой ты тупой, Игорек! Не ехать, не лететь, не плыть – по-па-дать. Спонтанно это бывает в природе. Редко, но... Одно из объяснений, куда пропадают корабли и самолеты в Бермудах – одна из зон на Земле, где это может возникать. Еще Тибет, Ай-Петри...

Римма много порассказала в тот вечер: про одиннадца-

тимерное пространство, про сосуществование на Земле параллельных миров, и что бесчисленные НЛО не прилетают извне, а появляются из параллельного мира, где более продвинутые «иноземляне»...

Что-то подобное Щербинин уже слышал – теперь же от Римминых рассказов, а вовсе не от выпитого, у него дух захватило. С этого вечера он заболел квантовой механикой.

Сегодня в программе самообразования «мосты» Эйнштейна-Розена. С разницей между «вакуумными дырками» и теорией «червоточен» он разобрался, а с «мостами» никак.

Хобби давалось нелегко. И не из-за недостатка образования, а от устройства мозгов. Он легко представлял то, что мысленно мог увидеть в конкретной физической форме. Если людей – он видел их улыбки и слезы, слышал их разговор, чувствовал то же, что в его воображении переживали они. Если конструкцию – он видел, как она работает. Или не работает, с полувзгляда находя ошибку. Он был конструктором от Бога. Но способность к абстрактному мышлению, как у той же Риммы, у него отсутствовала напрочь. Он не мог представить даже четырехмерный мир, не говоря о конечности Вселенной, за пределами которой ни пространства, ни времени – ничего. Это «ничего» в голове не укладывалось.

Как-то он попал на теоретическую конференцию. Прослав доклад, он проснулся от хохота зала. Оппонент, желая усть докладчика, писал формулы, и аудитория лежала. За вязью закорючек они видели свою, абстрактную, ре-

альность и эмоционально переживали. Тогда к нему пришло осознание, что есть люди «инакие», и та же авангардная живопись, возможно, не шарлатанство, как он считал, а просто другое видение.

В который раз Щербинин перечитывал один и тот же абзац, когда позвонили в дверь.

– Иду, иду! – прокричал он и пошел открывать. – Раззява! Опять ключ забыла! – Он распахнул дверь – и остолбенел: вместо дочери стоял вчерашний американец, держа в руках генеральский мундир, и его сын, с пакетом из Новоарбатского гастронома.

– Здравствуйте Игорьь Алексаныч! – улыбнулся Майкл. – Ради Бога не гневайтесь. Как вы себя чувствуете? Римма сказала – вам нездоровится, и мы с сыном решили вот...

– Я болен! Я очень болен! – почти криком выпалил Щербинин. – У меня куриный грипп! Заразите потом всю Америку!

– О, пустяки, – отмахнулся Майкл. – Перед отлетом мы сделали, э... vaccinations даже от рыбьего. Позвольте представиться: меня зовут Михаилом Андреичем Иевлевым, мой отец был из Санкт-Петербурга. А я вот и мой сын, Дино, в России впервые и...

– По поводу картины, – оборвал Щербинин, – сразу хочу предупредить...

– Нет-нет, у меня еще вчера создалось впечатление, что вы не намерены ее продать.

– Не только не намерен, но и не буду. Так что извините.

– Это вы нас извините. Мы бы ни за что не позволили себе вас побеспокоить, если бы завтра не улетали. А я, повторюсь, хотел бы увезти из Москвы память. Возможно ли, чтобы мы посмотрели те картины, которые вы согласны продать?

Щербинин заколебался.

– Мы непременно что-то купим у вас. На рубли, на доллары – как пожелаете.

Щербинин еще помедлил и сказал:

– Сразу предупреждаю: это мастерская моей дочери. Работы, которые на стенах, не продаются. Вы сможете купить только то, что я предложу. И чтобы не было потом...

– Я принимаю все ваши условия, можете быть покойны.

– Тогда прошу-с! – пригласил Щербинин, шутовски шаркнув ножкой.

*

В это время у Ольги проходила встреча с организатором выставки, что открывалась на Солянке. В этот час они были единственными посетителями крохотного бара на сквере Центрального дома художника. Перед организатором, сидящим, чиновничьего вида мужчиной, стоял графинчик с коньяком. Ольга пила минералку. Оба курили.

– Нет, нет и нет! – тоном капризной девочки говорила она. – На этой стене не хочу!

– Я даю тебе лучшую стену! Там и свет, и...

– На этой стене висит Малявина.

– Что тебе Малявина?

Ольга передернула плечами:

– Ровным счетом ничего.

– Тогда я не понимаю, Оля.

– Выставка продлится три недели, так?

– Ну?

– Днем меня не колышит, с кем я вишу: с Малявиной, с Халявиной, но ночью...

– А ночью-то какая тебе разница: посетителей нет...

– Вот именно! Три недели оставаться на ночь с этой занудой? Да я схохну со скуки! У нее же все скучное. Ни движения, ни воздуха, ни цвета. Культурно выражаясь, фигня.

Собеседник пожал плечами, спросил:

– Ну, а с кем ты хоешь висеть?

– С мужчиной, разумеется!

– С каким? – гоготнул он.

– Желательно с настоящим.

– С Козловым, – хихикнул он.

– Самое оно.

В этот момент зазвонил ее мобильный.

– Могу тебя к нему перевесить, но учти...

– Извините, – улыбнулась она и сказала в мобильник: – Да, пап? Я еще занята. Что-то срочное?.. Американцы? Не те, что вчера... Ну займи их, угости... Конечно показывай, все

показывай... Окей, скоро буду.

Учредитель прислушивался, и когда Ольга отговорила, проявил любопытство.

– Американцы приехали, – пояснила она и сделала знак бармену. – Хотят отобрать мою эротику. В Нью-Йорке у меня будет персональная.

– О-о! Русские?

– Что?

– Американцы.

– Американские.

Подошел бармен. Ольга глянула в счет и вернула с кредиткой. Учредитель не очень торопливо полез за бумажником, она остановила его, он не настаивал и заговорил:

– Из русских я кое-кого там знаю, еще по министерству. Познакомишь?

– Они сегодня улетают. Должны прилететь в конце июня. Когда у вас в отпуск?

– Август.

– Тогда окей. Ну так как? – вернулась она к прерванному разговору.

– Я перевешу тебя к Козлову, – сказал он, выливая остатки коньяка. – Но там хуже свет.

– Зачем меня, Геннадий Иванович, перевесьте Малявину! При плохом свете она даже лучше будет смотреться. А Козлова на ее место. А? – стрельнула она глазами.

– Уговорила, – сказал учредитель, поедая ее взглядом.

Ольга умело пользовалась своей привлекательностью, но динамила в меру, не задевая мужское самолюбие. Впрочем, и не всегда динамила. Если мужчина ей нравился – почему нет? Сегодня был не тот случай. Они еще поговорили, пока бармен не вернул ей кредитку.

– Ну, к сожалению, надо бежать, отец не говорит по-английски, – сказала она, вставая.

– А мне – работать, – вздохнул учредитель, махнул остатками коньяка и, пропустив Ольгу вперед, пошел за ней. – С развеской помочь?

– Нет, спасибо, отец все развесит, он лучше меня это делает.

Выйдя на улицу, она потянулась к нему губам, но в последний момент как бы ненароком вильнула головой, и поцелуй его пришелся ей в щеку. Она помахала ему и пошла к паркингу, а он, проводив ее взглядом, к зданию ЦДХ. Подойдя к своему Гольфу, бутылочный цвет которого отлично подходил к ее красному английскому костюму, она вытерла поцелованную щеку, сменила каблуки на кроссовки и села за руль.

*

В ближайшей ко входу комнате, где стоял уже упомянутый стол, Щербинин расставил у стеллажа с десятков работ. Майкл переходил от одной к другой, хозяин называл цену:

Майкл кивал. Наконец заметил:

– Глаза разбегаются! Dino? – окликнул он сына. – Come here!

Дино стоял перед автопортретом Ольги. Она написала себя со свечой в массивном бронзовом подсвечнике, спавший с плеча пеньюар открывал левую грудь с торчащим соском, а чуть наклоненная голова и опущенные веки создавали впечатление, что она любит грудь. Однако взглядевшись, вы замечали край полога и понимали, что там кто-то лежит, для кого она приобнажила.

– Dino! – снова позвал Майкл. – I can't decide. They're all so good!

– Here, look at this! – показывал сын на портрет. – This is really great! Amazing!

Майкл подошел стал рядом. Щербинин взволновался и напомнил:

– Эта не продается.

– Я помню, помню, голубчик! – успокоить Майкл.

– And what a woman huh Dad? – восхищался сын. – Just look at her! Ask him who she is. —

– Сын интересуется, кто эта женщина? – спросил Майкл у хозяина.

– Натурщица, – пряча невольную улыбку, ответил тот.

– Хороша! – оценил Майкл.

– Есть женщины в русских селеньях, – процитировал хозяин.

– What did he say? – нетерпеливо спросил Дино.

– She’s a model, – коротко ответил Майкл и повернулся к Щербинину: – Когда мы были в Лувре, я не помню, чтобы сын выразил подобное восхищение по поводу Моны Лизы. В смысле женщин он донельзя привередлив. Недостатка нет, а... Сорок лет, и до сих пор не женат. А у вас? Есть внуки?

Щербинин помотал головой:

– Дочь развелась и вторично замуж не собирается. Ну и на чем вы остановились?

Майкл спохватился и вернулся к картонам.

– Знаете, Игорь Алексаныч, с вашего позволения я куплю все.

– Все одиннадцать? – не поверил ушам Щербинин.

– Пожалуйста посчитайте общую стоимость.

Внутри у Щербинина ликовало. Это была невиданная удача, невероятная. За день, не выходя из дому, он заработал, сколько не зарабатывал за два-три месяца, таская телегу. Стараясь не выдать радости, он отвечал тоном некоторого одолжения:

– Ну, вам как оптовому покупателю я отдам все одиннадцать по сто пятьдесят. Итого... Тысяча шестьсот пятьдесят. В рублях это...

– Господи!.. – всплеснул руками Майкл.

– Дешевле не отдам, – нахмурился Щербинин. – Я не торгуюсь.

– Нет-нет, голубчик, такая нелепость, но у меня опять нет

столько рублей!

– Ну что с вами делать, – с театральным вздохом сказал хозяин, – не гонять же вас за рублями. В порядке исключения, придется взять доллары.

– В таком разе... Как это по-русски – «по рукам»?

Обмениваясь рукопожатиями, Щербинин с хитрецей заметил:

– А «по рукам», голубчик, по русскому обычаю следует обмыть. А?

*

Окна всех трех комнат мастерской выходили в Средний Николопесковский переулок. Остановив машину под окнами, Ольга освежила помаду, сменила кроссовки на каблуки и вышла. В окно увидела у кухонной тумбы отца и мужчину, стукнула – они не услышали, и она зацокала вдоль дома уверенной походкой модели на подиуме, довольная сегодняшним днем и собой. Подойдя к мастерской, она начала рыться в сумочке в поисках ключа.

Ближний к кухне конец стола был накрыт клеенкой и сервирован на четыре персоны. Там уже стояли в гжельской посуде грибы, квашеная капуста, соленые в пупырышках корнишоны и дымилась отваренная в мундирах картошка. На противоположном торце стола стояла принесенная гостями двухлитровая бутылка «Столичной», нераспечатанная,

и в позе Роденовского «Мыслителя» дремал Дино. Голоса отца и хозяина ему не мешали.

Когда Щербинин взялся разделявать селедку, Майкл заявил, что не может пребывать в праздности, и теперь они работали рука об руку: хозяин занимался селедкой, а гость, плача, строгал кружочками лук. Тут же на тумбе стояли две стопки, початая бутылка с настоем Щербининым на перегородках грецкого ореха водкой и тарелочка с солеными чернушками. Судя по размягченным лицам, оба уже по чутку приняли. Звонок в дверь привел Щербинина в некоторое замешательство.

– Дочь. Опять ключи забыла, – пояснил он, отложил нож и теперь не знал, что делать с селедочными руками: то ли мыть, то ли вытереть обо что-то. – Не откроете?

Майкл с готовностью покивал, но у него у самого руки были в луке, и он крикнул:

– Dino! Open the door, please! We're busy.

Дино поднялся и, сонный, поплелся в прихожую. Звонок повторился. Дино никак не мог справиться с замком.

– Пап, ну ты что там? – услышал он сквозь дверь и ответил:

– Hold on, hold on! I can't figure out this lock.

Наконец замок сдался, Дино открыл дверь и увидел перед собой ту самую женщину, какой любовался на холсте. В эту минуту у него даже английский выскочил из головы.

– *Ciao*, – сказал он на итальянском.

– Чао, – ответила Ольга, подумав, а не притащил ли отец вместе с американцами еще и итальянца, и осведомилась: – Are you an American or Italian? – добавив, что по-итальянски она знает еще «ариведерчи», и этим их разговор закончится.

– Oh, – спохватился Дино, – I'm an American, American! But I'm Italian too! – И пояснил, что его мама итальянка.

– I'm Olga, – улыбнулась она и подала ему руку, изучая его лицо, как, возможно, рассматривала бы лицо незнакомого натурщика.

– I'm Dino, – назвался он, нежно беря и целуя ее руку. – But my last name is Ievlev, from my father. So I'm partly Russian.

– Тогда я буду звать вас по-русски: Диня. Не возражаете?

– Pardon? – не понял он.

– Уменьшительное от Денис, – опять же по-русски пояснила она.

– Dénice? O'Denice! Who's Denice?

Она засмеялась, обнажив совершенно голливудские, причем свои, зубы и сказала на английском, что, если он «отчасти» русский, почему он «отчасти» не говорит по-русски? Он отвечал, что у него нет русских знакомых – и не было стимула. Но теперь есть! И со значением поглядел на нее. Она легко засмеялась, спросила, уверен ли он. Он отвечал, что абсолютно, добавив к словам неотразимую итальянскую улыбку.

– Wait and see, – улыбнулась она и предложила освободить ее руку.

– Oh, sorry! – смутился он и, пропуская ее, отступил от двери.

– Thank you so much! – улыбнулась она и вошла.

– You're welcome! – улыбнулся он и последовал за ней в комнату, оценивая ее сзади компетентным мужским взглядом.

*

Щербинин сидел в ближайшем к кухоньке торце стола; слева от него Майкл, а по правую руку дочь и Дино. Они о чем-то болтали, смеялись, и разговор стариков их явно не занимал. Майкл, рассеянно глядя, как Щербинин выжидает себе в стопку остатки водки на грецком орехе, говорил с улыбкой:

– Определенно сам Бог мне вас послал, Игорь Алексаныч. Занятный вы человек...

– Обыкновенный, – отмахнулся Щербинин, привычно определяю порожнюю бутылку под стол. – Обыкновенный российский пенсионер. Один секунд... Лешенька, принесла бы нам «петрушовочку», а? Нет, лучше «чесночечочку».

Ольга встала и направилась в обход стола к прихожей, где стоял холодильник.

– Пап, а это что за водка? – кивнула она на бутылку «Столичной». – Они принесли?

– Хм, а кто еще мог купить «Столичную», кроме дрему-

чих американцев.

– Позвольте, разве это плохая водка? – смутился Майкл.

– Плохой водки, голубчик Михал Андреич, не бывает – назидательно заметил хозяин. – Водка бывает хорошая или очень хорошая.

Майкл, понятно не знавший этой бородатой шутки, гоготнул.

– Excuse me, – вклинился Дино, вставая, и под неодобрительным взглядом Щербинина направился за Ольгой в прихожую.

– Что? – обеспокоился Майкл.

– Ничего, – мотнул головой Щербинин. – Да что она там, водку не может найти?

– Ах, оставьте их, по-моему, мы им порядком осточертели. А вы что, были в Америке?

– Не довелось. Хотя уважаю вашу страну, многое восхищает. Я ведь, Михал Андреич, мое поколение выросло на вашем кино, вашей музыке... Буги-вуги, рок-н-рол... Джаз хожу слушаю до сих пор. А ваши фильмы – для нас была отдушина. При Сталине у нас снимали восемь, что ли, картин. В год! Крутили ваши, трофейные – Гитлер вроде как тоже был любителем вашего кино. До сих пор помню актеров: Эрл Флин, Оливия де Хевиленд... Рядом со школой был кинотеатр, «Кадр», мы туда вместо уроков. «Судьбу солдата в Америке» я раз десять смотрел...

– «Судьбу солдата в Америке»?.. – переспросил Майкл

и пожал плечами.

– Ну как же! Конец Первой Мировой. Три ваших солдата возвращаются из Европы. У вас сухой закон. Занялись бутлегерством. Драки, стрельба. Любовь. Я в школе на фоне лабал, мы оттуда песню играли, вот эту... – Хозяин стал напевать, и Майкл пропел:

Come to me my melancholy baby
Cuddle up and don't be blue.
All your fears are foolish fancies, baby.
You know dear that I'm in love with you.

– Во, во! – обрадовался Щербинин. – Это оттуда!

– «The Roaring 20's» у нас, «Ревущие двадцатые», по периоду нашей истории.

– А-а, ну, значит, наши идеологии подпустили. За вашу страну, Михал Андреич.

– За какую? – улыбнулся Майкл. – Нынче, сдается, у меня стало две.

– За Америку, – чокаясь, уточнил Щербинин. – За Россию мы по полной. – И крикнул в прихожую: – Лелька! Где водка?.. Что ни говори, а Америка нам здорово помогла, имею в виду лендлиз. Одной техники... Я в армии на «Катюшах» служил, может, слышали...

– Как же, голубчик, «Катюши»! Конечно слышал.

– Часть установок стояла уже на наших грузовиках, а часть, с войны еще, осталась на ваших студебекерах. Я

на западной Украине служил, там глина. В распутицу по тревоге – наши до ворот не доехали засели. А студера прут! Яко посуху. А продукты? Тушонка...

– «Тушонка»? Canned meat?

– Мясо тушеное, в банках. Колбаса в банках – ничего вкуснее не ел! Яичный порошок, бекон, лярд. Еще такие пакетики, концентрат, в воду высыпешь – шипит. Но все, уже когда из эвакуации вернулись, в сорок третьем. Нас в Башкирию вывезли. Выехали в июле, а туда приехали – снег, мороз! Месяцев пять ползли. Как разъезд – пропускаем эшелоны на фронт, санитарные с фронта. Нас сперва в Уфу привезли, в эвакуопункт, в театре. Человек, не знаю, тысяча в зрительном зале, на полу, с узлами, с детьми. А оттуда в деревню, уже на санях. Я еще в эшелоне корь подхватил, мама меня укутала в попонку, с головой, а мне ж любопытно... Во разболтался! – спохватился хозяин. – Уж извините.

– Что вы, Игорь Алексаныч! Напротив. Я ж ничего этого не знаю, голубчик. А мне не только интересно, но и нужно! Потом скажу зачем. Ну, накрыли вас с головой попоной...

– А попонка сползала. Как сейчас помню: солнечно, морозное небо, пар от лошадей... Верхушки столбов, снег на проводах... – Щербинин глянул на прихожую и хотел встать.

– Ну, ну? Пожалуйста, продолжайте!

– Ну что, привезли в деревню. Ни электричества, ничего. Вся изба из одной комнаты. За печью закуток, там хозяева.

А мы на нарах, несколько семей. У меня температура под сорок – по Цельсию, по Фаренгейту – не знаю...

– А я по Цельсию, – улыбнулся Майкл.

– Да уж молчите с вашими дюймами! Мне гаечные ключи подарили... Во-первых, не подходят, во-вторых... Что больше: семь шестнадцатых или пятнадцать тридцать вторых?

Майкл засмеялся и поднял руки:

– Согласен, несуразица. Вовремя не перешли, а теперь – неслыханные деньги. Ну, мы отвлеклись. Я увидел войну уже будучи взрослым, в нашем с вами совместном фильме «Неизвестная война». А вы очевидец! У меня эвакуация ассоциируется с отцом, когда они эвакуировались из Севастополя в двадцатом. Ну, вы знаете, о чем я говорю.

– Драпали от красных, – хмыкнул Щербинин. – Я не красный, можете называть вещи своими именами.

– А вы чудный рассказчик! Зримо: и пар от лошадей, и... В темной избе маленький мальчик мечется в жару, выпрастался из-под одеяла. Матушка не спит, укрывает его...

– Выходила меня. Раздобыла красный стрептоцид, потом оказалось – вреден, но я, как видите, жив. Вот, выздоровел – в Уфу перебрались. Питались одним горохом – гороховый суп, гороховая каша, мама даже кисель из гороха варила, на сахарине. Иногда удавалось кое-что выменять на масло, мед... Бригада эвакуированных ехала в деревню и там меняли что у кого есть. У мамы были какие-то вещи, безделушки – она из Франции привезла...

Майкл вскинул брови:

– Ваша мама была во Франции? При том режиме?

– Она в торгпредстве работала. А отец, тогда он был военным, в комиссии по закупке авиационной техники, тоже в Париже. Там они и познакомились. – Щербинин улыбнулся: – Так что я чуть было не родился в Париже.

– Представьте, и я! – хохотнул Майкл. – Но вместо меня родилась моя сестра, Мари. А в какие годы ваши родители там были?

– Тридцать второй, тридцать третий...

– О! – воскликнул Майкл. – И мои были еще в Париже.

– Ваш отец не таксистом работал?

Майкл улыбнулся:

– Многие русские офицеры работали, отец – нет. Он с детства увлекался фото, и его взяли фотографом на студию «Гомон», потом стал ассистентом оператора...

– А-а. Я почему спросил: мама туда приехала – взяла такси. А их инструктировали не садиться к русским, могут быть провокации. А как узнаешь. Мама немного говорила по-французски, что с гимназии помнила. Сказала – в Советское посольство. Тот спросил, бывала ли она в Париже. По дороге что-то ей показывал, а когда она выходила, вдруг на чистом русском говорит: «Помоги вам Бог, дочка. Хоть вы от Него и отказались». Она перепугалась, что-то буркнула. Потом все переживала, что грубо ответила.

– Позвольте любопытствовать: а вы верите в Бога?

Щербинин помедлил, прежде чем ответить:

– Скорее «да». И знаете почему? Все можно объяснить эволюцией: вода, газы, лава, черт знает что еще образовали аминокислоты, те дали белок, тот клетку – пошло-поехало. А как, ответьте мне, возник наш разум? Тоже продукт эволюции? Тогда почему букашки-таракашки за миллионы лет не додумались до элементарного колеса? Ни гориллы, ни одна тварь – только наш разум. Откуда он взялся? Из космоса завезли, из параллельного мира? Законный вопрос: а откуда он взялся у инопланетян-иноземлян? Напрашивается вывод: разумом их мог наделить тот, кто изначально им обладает. Создатель. А Христос, Аллах – мифотворчество. Родители мои крещеные, потом сменили конфессию на коммунизм. Мое поколение вообще в атеизме выросло. Хотя эстетически тяготею к православию. А вы?

– Хороший вопрос. Отец был жив – ходил с ним в православную, у нас ее называют ортодоксальная. Маман моя, французская еврейка, неверующая была. А жены... Первая была лютеранка; вторая, мать Дино, католичка; а нынче у меня буддийка. Тайка. Кван. Словом, Парк Пяти Религий – есть у нас такой в Лос-Анжелесе.

– Жена все приглашает, она тоже в Лос-Анджелесе.

– В самом деле, у вас в Лос-Анджелесе жена? – почему-то обрадовался Майкл. – А что ж вы, отчего ж вы... Но виноват, не смею выведывать.

– Моя жизнь – здесь. Дочь, дом, друзья, язык... Кто-то,

не помню, метко заметил, что Россия создана в назидание другим, как не надо жить. К сожалению, так оно и есть. Но я люблю ее, родителей не выбирают.

– Я тоже люблю Америку и вряд ли смог жить где-то еще. Невероятно, нас столько роднит с вами, голубчик, Игорь Алексаныч!

– Особенно 1917 год.

– Имеете в виду, что ваш отец был на стороне красных? Но ведь это дело прошлого.

Щербинин несколько удивился, затем сообразил и погрозил мундиру:

– Ну, Римма, погоди! Все вам продала. И что ж вы будете с ним делать?

– О! – засмеялся Майкл. – Надену на Halloween, праздник у нас, буду ходить пугать народ русской угрозой.

– До сих пор?

– Россия непредсказуема.

– Да уж, умом Россию не понять, – хмыкнул хозяин, а Майкл подхватил:

Аршином общим не измерить:

У ней особенная статья —

В Россию можно только верить.

Тютчев, верно? И как верно сказано!

– А вы, Михал Андреич, верите? – не без лукавинки поинтересовался хозяин.

– Верю ли я в Россию? Боже мой! Верю, голубчик, еще как верю! Особенно после того что увидел в Питере и за вчерашний день в Москве.

– И что ж вы такое увидели?

– Увидел, что Россия жива. Мой отец не верил, говорил – все может статься: и Америка уйдет под воду, как Атлантида, но Совдепия – навсегда. Верно, и ваш так думал?

– А как он мог еще думать: с 17-го года с большевиками, с 19-го в большевиках...

– И вот те на, да? – усмехнулся Майкл. – Под воду ушла Совдепия, а Россия взяла да всплыла. Или подспудно жила параллельно с режимом. А где ваш батюшка воевал?

– Где не воевал! Сперва в царской – он 1898 года рождения, я поздний...

– Почти одногодки с моим, – хлопнул в ладоши Майкл, – мой 99-го. И я тоже поздний.

– Надо же ж. Ну вот, участвовал в Октябрьских событиях в Москве, потом...

– О боже, так он участвовал в тех событиях?! – аж подскочил Майкл.

– У Никитских с пулеметом сидел от юнкеров отбивался.

– Боже правый, среди тех юнкеров был мой отец! Не в Англиканской церкви, случаем?

– Где-где? Нет, Тверской бульвар и Малая Бронная, угловой дом. Из эркера вел огонь.

– Из эркера, говорите? Смутно припоминю. Отец же кни-

гу написал, вернусь – надо будет перечитать. Возможно, и стреляли друг в друга, а?

– Лучше бы целились – мы бы с вами не сидели не пили водку.

– Не иначе Господь отвел им руки, чтобы их сыновья могли помянуть своих белого и красного отца.

– Да что ж это делается, черт побери! – вдруг возмутился Щербинин и снова крикнул в прихожую: – Леша, где водка?! – И не получив ответа, отлил Майклу из своей стопки.

– Мой отец случайно тогда оказался в Москве, – пояснил Майкл. – Он последний из Иевлевых, кто воспитывался в Морском Корпусе – ну вы знаете, о чем я говорю...

– Представьте – нет.

– Морской корпус в Санкт-Петербурге? – не поверил Майкл. – Вы меня разыгрываете.

– Представьте, не знаю.

– Ну как же, самое элитное учебное заведение в Императорской России. К слову, ваш коллега авиаконструктор Сикорский там воспитывался. А ваш отец?

– Мой воспитывался в приюте.

– О, сирота, – понимающе покивал Майкл.

– Точнее, незаконнорожденный. Моя бабушка, я ее не видел, крестьянская девка, видно хороша собой была, ну и прижила от кого-то. Ушла из деревни в Москву, родила, а замуж вышла – отца в приют отдали. Муж, видно... У отца и фамилия по матери – Щербинин.

– А отца своего он знал?

– Какой-нибудь Нехлюдов заезжий, – пожал плечами

Щербинин.

Майкл непонятно оживился:

– Пожалуйста, Игорь Алексаныч, сколько можно подробно!

– А что вас так... Обычное дело было: приезжает офицер, трахает хорошенькую девку и уезжает. «Воскресение» Толстого читали?

– Как не читать, и «Войну и мир», и «Анну Каренину»...

Позвольте полюбопытствовать: «трахает» – это, э-э...

– То самое.

– Боже мой! Невероятно! – странно разволновался Майкл. – Из какой деревни она была, случаем, не из имения князей Щербатовых? Это где-то здесь, в Московской губернии.

– Почему вы спросили?

– Семейных скелет в шкафу, – усмехнулся Майкл. – Отец, когда он переехал в Париж – его представили княгине Ольге Алексане Щербатовой, и в разговоре она спросила отца, не знает ли он что-либо о судьбе матери его брата. Отец удивился, сказал, у него сестра, а не брат. Она ужасно смутилась, сказала, что, верно, спутала, но отец понял, что не спутала, и умолил рассказать. Дело касалось моего деда Николая – я-то узнал уже после смерти отца, маман рассказала. При отце на разговоры о деде было табу, ни фото, ни писем – ничего.

– Я о своих тоже никогда не слышал. Может, так принято

было?

– Чтобы принято, это едва ли. Что до меня, еще один скелет. Когда отец привез маман в Сербию познакомить родителей с невестой, дед ему заявил: женится на еврейке – сына у него больше нет, буквально выгнал. И они не знались во всю оставшуюся жизнь.

– Наверное, и у меня скелет, – усмехнулся Щербинин.

– И это не конец истории, милейший Игорь Алексаныч! Конец прямо в духе О'Генри. Вперед должен сказать – отец маман, Морис Леви, был модным парижским адвокатом и чрезвычайно, знаете, высокого о себе мнения. Когда маман сказала, что выходит замуж за русского, Морис пришел в бешенство: «Чтобы дочь Мориса Леви вышла замуж за какого-то русского босяка?!» А маман на вид хрупкая была, но характер, я вам доложу...

– Как у моей, – улыбнулся Щербинин. – «Маман» – это по-дворянски?

– По-французски. Она меня – Мишель, я ее – маман, иногда по имени – Аньес. Ну вот, и Морис прервал с дочерью все отношения. Внучка, моя сестра Мари, родилась, так он даже увидеть не пожелал. А незадолго перед приходом в Париж немцев, маман звала родителей к нам в Америку. Морис заносчиво ей ответил, что она-де забыла, кто ее отец, и что Рейх такими людьми, как он, не бросается. Каков конец, вы догадываетесь.

– Нетрудно.

– Мм, о чем я говорил?

– Об отце вашей маман.

– Нет, прежде?

– О вашем деде Николае.

– А, верно. Голубчик, вы меня останавливайте без стеснений, а то я буду растекаться по дереву – жизни не хватит. А столько хочется рассказать, расспросить!.. Так вот, когда дед был уже в выпускной роте... В Корпусе существовала практика назначать успевающих гардемарин унтер-офицерами в младшие роты. Деда назначили в кадетскую роту, где воспитывался сын князей Щербатовых. Мальчик болезненный, дед его опекал, тот, верно, писал родителям, и Щербатовы пригласили деда на рождественские каникулы к ним в имение. Там у него случилась связь с крестьянской девочкой – а он тогда уже был помолвлен с дочерью адмирала Волкова – Машенькой, моей будущей бабушкой. По окончании дедом Корпуса и производства в мичмана они обвенчались, и в августе 1899 года у них родился мой отец. Назвали Андреем, в честь моего прадеда...

– И девка та тоже родила, – догадался Щербинин.

– Совершенно верно! – подхватил Майкл. – Дед гостил у Щербатовых на Рождество, от Рождества девять месяцев – январь, февраль...

– Сентябрь, – вперед него сосчитал Щербинин.

– А ваш в каком месяце?

– Мой? Вы... – Щербинин расхохотался. – Вы с ума со-

шли. Хотите сказать...

– Ах, и вы так подумали? – обрадовался Майкл. – Мне сразу подумалось, как вы сказали, что ваш отец незаконно-рожденный, и его мать крестьянка...

– Чушь собачья, – посмеиваясь, отмахнулся Щербинин. – Отец действительно сентябрьский – и что с того?

– Но это так совпадает с тем, что сообщила моему отцу княгиня!

– Именно совпадает, не более того.

– Охотно верю, даже скорей всего, что так. Но посмотрите-ка... Наши родители в одно время были в Париже, наши отцы стреляли друг в друга у Никитских ворот, я приехал сюда на день – и из миллионов москвичей пью горькую именно с вами, Игорь Алексаныч! Больно много совпадений. Если вы верите в Создателя – отчего ж не верить в Провидение?

– Черт!.. – прорычал Щербинин и со свирепым криком ринулся в прихожую: – Ольга!!!

Из приоткрытой на улицу двери доносился дочерин смех. Щербинин распахнул дверь. Ольга и Дино стояли друг против друга и чему-то смеялись.

– Тебя за смертью посылать! – напустился отец. – Где водка?!

– Ой, пап, извини. Вышла покурить, ну и заговорились с Диней.

– Ты что, иностранца никогда не видала?

– Такого, чтоб мне понравился – нет. – И уставилась на отца с нагловатой улыбкой.

– Попросил ее... Сделай сначала! Потом хиханьки.

Дино поглядывал на них, ничего не понимал, но догадывался, что речь о нем.

– Пап, ты что? Крыша поехала? Я кто тебе, дочь? Выступаешь как ревнивый муж...

– Я... Я... – задохнулся Щербинин. – Я с тобой как отец говорю. Ну, дело твое.

– Пап, я уже большая девочка, окей?

– К сожалению, – буркнул Щербинин и повернулся, чтобы уйти.

– Ну скажи маме, чтоб засунула меня назад.

– Я с ней в разводе, – не оборачиваясь буркнул он.

– Я тебя обожаю, папка! – крикнула Ольга в уже захлопнувшуюся дверь.

– What's wrong? – спросил Дино.

Ольга сделала удивленные глаза и ответила, что нет, все окей, она сказала отцу она его обожает, и он действительно для нее идеал мужчины. Дино сделал сокрушенную мину, шмыгнул носом и утер «слезы». Он так далек от ее идеала, что у него нет никаких шансов. Она улыбнулась и сказала, что зато он, Диня, похож на ее деда в молодости, особенно на одной фотографии. Дед был пижон и бабник, и Диня, очевидно, тоже. А? Дино заверил, что он не такой, и выставил ладонь, как это делают американцы, клянясь говорить прав-

ду и ничего кроме правды. Она поинтересовалась, а что ж он до сих пор не женат? А оттого, сказал он со значением, что до сих пор не был в России. В глазах у нее заплясали чертики.

– Well, let's go, – закрыла она тему и вошла в мастерскую. – Пап, а «чесночечку» я не нашла, – на голубом глазу сказала она, чтобы навести с отцом мосты, но он и без того уже отошел: долго сердиться на дочь он не умел.

– Она сама нас нашла, – хохотнул отец. – И оказалась недурна. Как, Михал Андреич?

– Святая правда! – кивнул Майкл и смачно хрустнул огурцом Щербининского посла.

– Присоединяйтесь! – пригласил Щербинин.

Ольга хотела пройти за стол, но Дино задержался возле ее автопортрета, выразив восхищение красотой модели. Женское в Ольге было польщено, но художническое в ней взревновало, и она сказала, что он смотрит на женщину в арт, как на картинку в Playboy. Дино с горячностью возразил, что в работе так талантливо передано любовное томление, а это доступно только искусству. И он хотел бы это купить. Ольга спросила – сколько. Он предложил пятнадцать сотен. Она покачала головой. Он повысил до двух тысяч. Нет. Он прибавил еще пятьсот. И опять – нет.

– Окай, – сказал Дино. – Three thousand. Is it a deal?

В ответ на три тысячи Ольга засмеялась.

– A bid of three thousand dollars for the painting of the

most attractive woman I've ever met! – зачастил Дино скороговоркой заправского аукциониста: – Three thousand, three thousand...

Майкл и Щербинин прервали беседу и смотрели на детей: первый – с доброй улыбкой, второй – со скрытой неприязнью.

– Three thousand – going once, продолжал Дино. – Three thousand, three thousand...

Глядя, как артистично Дино что-то изображает, Щербинин мысленно выматерился:

– Блин Клинтон хуев! Кривляется как вша на проволоке. – А вслух сказал: – Ну, скоро вы?! Водка греется!

– Идем, пап.

Обходя за ней стол, Дино продолжал:

Three thousand – going twice... – И подставив ей стул и сев сам, заключил: – Sold.

Она замотала головой. Дино вошел в азарт.

– Even for thirty thousand?

Ольга наклонилась к нему так, что он почувствовал тепло ее дыхания, и прошептала:

– I'm not for sale.

Дино в свою очередь наклонился, едва не касаясь губами ее уха, и шепнул:

– Even for a million?

– Show me the money.

– I have it!

Щербинин держал наготове бутылку, чтобы налить им, и по мере того как они перешептывались, все больше заводился.

– Кончайте ваши шушу, рука отсохла! – Он наклонил бутылку к Ольгиной стопке, но она быстро накрыла ее ладонской. – Из-за чеснока? Целоваться не сможешь?

Дочь улыбаясь ему в лицо:

– Ну что ты, папочка, со специями даже пикантнее.

– Намылилась куда?

– Показать Дине значные места ночной Москвы.

– Ну... – сказал Щербинин, не найдя, что сказать, и потянулся бутылкой к Дино.

Тот тоже прикрыл ладонью стопку, коротко улыбнувшись:

– No, thanks.

Щербинин перевел взгляд на дочь:

– Блин Клинтон тоже?

Майкл, понятно, не знал эвфемизма «блин» и поправил:

– Билл Клинтон.

Ольга зыркнула на отца.

– Я что, я хотел сказать... – стал выкручиваться тот, – чем-то на Билла Клинтона похож. Ольга повернулась к Дино, поглядела и согласилась:

– Пожалуй. Только изысканнее, утонченнее. Но больше на деда Александра Ивановича – не находишь, пап? На той фотографии – помнишь? где они с бабушкой в Париже...

Снедаемый любопытством «Клинтон» наконец не вытер-

пел:

– Look, guys, you're talking about me and I can't understand a word! That's not fair.

И действительно было нечестно говорить при нем о нем, когда он ни слова по-русски.

– Учи русский, – сказала ему по-русски Ольга.

– Rusky – what?

– Learn Russian, – перевел ему Майкл.

– Oh, I will, I will! – заверил Дино, расплываясь.

– А не позволите ли взглянуть на это фото? – попросил Майкл. – Если не хлопотно.

Ольга развела руками:

– У нас все фотографии дома, здесь только моя мастерская.

– Ну дай бог не последний раз видимся, – сказал Майкл с неким подтекстом.

– Во! – подхватил Щербинин. – За это и выпьем. Они не хотят, а мы с вами по чутку...

Дино спросил у Ольги, что они о нем говорили, и она повторила про его сходство с ее дедом. Покивав, он наклонился к ней и шепнул, что хочет пригласить ее на обед. Она не возражала, но чуть попозже. Отец краем глаза подглядывал за ней и догадался, о чем речь.

– Надеюсь, за руль ты его по посадишь? – сказал он, со стуком ставя бутылку.

– Что ты, пап! Он же отродясь скорости не переключал,

у него даже горшок был с автоматической коробкой.

Щербинин проигнорировал ее шутку, поднял стопку и повернулся к Майклу:

– Поехали!

– Поехали! – чокнулся с ним Майкл.

Ольга с некоторым беспокойством посмотрела:

– Пап!..

– А?

– Такой темп взяли...

– Хочу успеть показать родственничку свое искусство в виноделии, – подмигнул он Майклу, – не каждый день ко мне прилетает.

Ольга истолковала «родственничек» по-своему и сердито зыркнула.

– Не плохо бы у нас сперва спросить. – И невольно прикинула Дино в качестве мужа.

– What? What? – сгорал от любопытства потенциальный муж.

– У нас еще «петрушочка» на подходе, – поспешил сменить тему отец.

– Спел бы лучше? – сказала дочь. – Пока звуковой барьер не перешел.

– Вы поете? – воскликнул Майкл. – Спойте, голубчик, прошу вас!

– Ну как пою, – засмутился Щербинин, – голоса-то у меня нет... – И кивнул на дочь: – Вон у нас певунья. Будешь петь?

Неси!

Ольга принесла гитару. Щербинин пощипал струны, настроил и запел:

Лишь только вечер
Затеплится синий,
Лишь только звёзды блеснут
В небесах...

Голоса в вокальном смысле у него действительно не было, но был приятный тембр, и пел Щербинин проникновенно, так что цеплял слушателя за душу. Даже Дино, не понимая ни слова, впечатлился. Майкл прикрыл глаза, по щеке скатилась слеза. Ольга наблюдала за всем с видимым удовольствием, если не сказать – гордостью.

Сделав перебор, Щербинин глянул на дочь, и она подхватила:

Отвори потихоньку калитку
И войди в темный сад
Ты, как тень...

Пели на два голоса, причем Ольга вела низкую партию. В отличие от отца, голос у нее был настоящий, сильный и глубокий, но она не форсировала, а пела как отец – душой.

*

Голос Ольга унаследовала от матери, первой жены Щербинина – Валентины. Они познакомились, когда Валя еще была на третьем курсе театрального института. Природа одарила ее сценичной внешностью, актерскими данными и редкой красоты сопрано. По иронии судьбы, Валя стала жертвой своей одаренности.

Профилирующим предметом для будущих артистов оперетты являлся вокал. На этой кафедре работали отличные педагоги, в недавнем известные певцы, но в завкафедры в те времена «выбирали» не тех, кто достоин, а кого выдвинул партком.

Завкафедры взял перспективную студентку к себе и не справился с ее голосом. Будь на месте матери – Ольга, у нее бы не заржавело сменить педагога. Валентина же была легка, доверчива и в чем-то наивна. Но решающим было то, что завкафедрой вел еще вокальный кружок в клубе завода «Каучук», куда ходила Валя. С его подачи она поступила к нему в театральный и считала себя обязанной.

*

Клуб «Каучук» возникал в жизни Щербинина не едино-

жды. И не оттого что от дома до клуба десять минут его шага, от школы и вовсе пять, а по лукавой игре случая.

В лето перед десятым классом родители снимали дачу в Быково по Казанке, как и в предыдущие три года. У Игоря там была большая компания, человек двадцат-тридцать его ровестников – в зависимости от того, сколько друзей приезжало к кому-то в гости.

Однажды приехал мальчик, с кем Игорь с ходу подружился, и они пошли кататься на лодке. Оба сидели рядом, по веслу на брата, и старались один другого перегрести, пока не воткнулись в чью-то лодку. Как оказалось, с тремя девочками. Одну новый приятель знал по Москве, и они разговорились. Третью девочку Игорь не разглядел, потому что запал на вторую. Это была вылитая Оливия де Хевиленд. Живьем! Как две капли воды, если не лучше. У Игоря от ее красоты даже голова закружилась. Оливия, которую звали Эллой, (а по паспорту даже и не Элла, а сложнее – отец ее был грек, известный советский гимнаст, репрессированный еще до ее рождения), улыбнулась Игорю, вернее, его дурацкому виду, с каким он на нее пялился. Приятель в это время договорился со знакомой девочкой, что они с Игорем приедут к ним на дачу, в соседнюю Ильинку, и на том расплылись.

Игорь не помнил ни как вернулся с пруда, ни как потом стал собираться: начистил зубным порошком белые парусиновые ботинки; наутюжил стрелки на белых (бывших отцовских флотских брюках), час торчал перед зеркалом, зачесы-

вая волосы, и уже хотел намазать бриолином, но мама, Антонина Петровна, отсоветовала. Он сообщил, куда едет, – в двух словах и небрежным тоном, но проницательнейшая из проницательных Антонина Петровна уже поняла, что это серьезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.